

№ 33. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 18 Августа 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Въ Египтѣ

Романъ.

(*Продолженіе.*)

VIII.

егодня, утромъ, отецъ со мной завтракалъ. Видишь, какія для меня дѣлаются нарушенія въ уставахъ? Я весело смѣялась и болтала, прислуживая ему, какъ вдругъ за кофе онъ прервалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— А вѣдь тебѣ скоро будетъ восемнадцать лѣтъ, Мрьемъ, ты старая дѣва... Давно пора отдать тебя замужъ.

Замѣчаніе это немного смутило меня.

— Вы ужь рѣшили?

Онъ приложилъ къ губамъ палецъ и проговорилъ съ улыбкой, что это еще тайна. Впрочемъ, онъ вскорѣ сдался на мои просьбы и долженъ былъ согласиться, что съ моими идеями и воспитаніемъ трудно довольствоваться гаремной жизнью, и обѣщалъ ни на что не рѣшаться, предварительно не посовѣтовавшись со мной. Я горячо поблагодарила его, но успокоиться не могла. Къ чувству безотчетнаго страха передъ неизвѣстностью примѣшивалось такое жгучее любопытство, что не было никакой возможности воздерживаться отъ разспросовъ. Богъ знаетъ почему, но молодой человѣкъ, котораго я видѣла вчера украдкой, изъ павильона Адилы, не выходилъ у меня изъ головы. Еслибъ это былъ онъ?

— Тотъ, на котораго я имѣю для тебя виды, очень богатъ и знатенъ, объявилъ мнѣ отецъ.

Конечно, мое довѣріе къ нему безгранично, но мнѣ было трудно отъ него скрыть, какое глубокое отвращеніе внушаетъ мнѣ здѣшній обычай отдавать дѣвушекъ замужъ за людей, совершенно имъ незнакомыхъ.

— Ни разу не видѣть суженаго до свадьбы, ни разу не слышать его голоса, это ужасно, ужасно! повторяла я. — А если я не въ состояніи буду полюбить его, ну, что тогда?

Отецъ сжалился надъ моимъ отчаяньемъ и обѣщалъ устроить между нами свиданіе. Какимъ образомъ, гдѣ и когда? Онъ этого еще и самъ не знаетъ. Можешь себѣ представить мое волненіе и любопытство? Кто мой суженый? Напрасно пытаюсь я себѣ это представить. Входъ въ селамликъ намъ воспрещенъ, это правда, но во время катанія мнѣ случалось видѣть отца въ обществѣ сыновей разныхъ принцевъ и пашей... Припоминая ихъ лица, я спрашиваю себя: «который изъ нихъ?» Марта! Еслибъ это былъ онъ? Опять! Не смѣйся, пожалуйста, я тебѣ ужь сказала, что онъ некрасивъ собой.

Прошла недѣля. Нигдѣ не встрѣчаю я моего таинственнаго незнакомца. На гуляньяхъ онъ не показывается; въ томъ саду, гдѣ я его видѣла въ первый разъ, его тоже нѣтъ.

IX.

Нѣсколько дней сряду предавалась я самымъ безумнымъ мечтамъ... Но, увы! Всѣ мои надежды разлетѣлись въ прахъ, таинственный незнакомецъ не можетъ быть моимъ мужемъ!

Разскажу тебѣ все по порядку.

Дня три тому назадъ мнѣ удалось вырваться къ невѣсткѣ. Часъ моего посѣщенія совпадалъ съ тѣмъ временемъ, которое онъ проводитъ въ саду. Адила была въ кіоскѣ... Неужели мнѣ и сегодня не удастся его видѣть? Вхожу. Адила пишетъ письмо и проситъ позволенія продолжать это занятіе въ моемъ присутствіи.

— Сдѣлай одолженіе, говорю, я почитаю пока.

Беру книгу, забытую тутъ братомъ, стихотворенія какого-то Гассана, и усаживаюсь на диванъ. Проходитъ такимъ образомъ минутъ десять, но въ сосѣднемъ саду такъ громко чирикаютъ птицы, что нѣтъ никакой возможности продолжать чтеніе. Одна изъ нихъ влетаетъ на нашу проволочную сѣтку и предерзко заглядываетъ въ наше убѣжище. Я встаю, чтобъ отогнать ее.

— Какъ чудно пахнутъ эти жасмины!

Ты догадываешься, что я говорю это, стоя у моего обсерваціоннаго пункта и раздвигая цвѣтущія вѣтви. Въ саду — ни души. Птичка отлетѣла на высокую пальму и насмѣшливо посматриваетъ на меня оттуда. Адила все пишетъ. Меня начинаетъ разбирать досада и я намѣреваюсь отойти, какъ вдругъ слышится шорохъ листьевъ... Это онъ! идетъ въ мою сторону, взглянулъ раза два на наше окно... случайно, можетъ быть, но мнѣ кажется, будто взглядъ его, глубокій и жгучій, встрѣтился съ моимъ взглядомъ и я краснѣю... Это тѣмъ болѣе глупо, что видѣть меня сквозь частую проволочную сѣть, густо обросшую жасминомъ, нѣтъ никакой возможности, я это отлично знаю. Вдругъ на меня нападаетъ отчаянная смѣлость, я срываю вѣтку, покрытую цвѣтами, и бросаю ее къ его ногамъ! Онъ остановился и поднялъ изумленный взглядъ на наше окно... Можешь себѣ представить, съ какою поспѣшностью я отскочила въ сторону?

Испуганная Адила тоже поднялась съ мѣста.

— Что случилось?

— Я бросила цвѣтокъ твоему сосѣду.

— Ты съума сошла! У меня нѣтъ сосѣда.

Я подвела ее къ окну. Онъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и съ улыбкой нюхалъ мои цвѣты. Адила вскрикнула отъ удивленія. Хорошо, что мы были въ безопасности за сѣткой и что видѣть онъ насъ не могъ.

— Какъ ты его находишь? прошептала я ей на ухо.

— Не красивъ.

— Всмотрись хорошенько.

Она съ минуту времени смотрѣла на него.

— А теперь?

— Все также дуренъ.

Я была въ восторгѣ. Ты знаешь, какая я ревнивая! Терпѣть не могу дѣлиться моими впечатлѣніями! Явился Али. Его тоже очень удивило мое открытіе; онъ не подозрѣвалъ, чтобъ кто-нибудь жилъ въ сосѣднемъ домѣ, но, заглянувъ туда, вскрикнулъ отъ изумленія и, таинственно понижая голосъ, объявилъ намъ, что это Гассанъ. У меня сильно забилось сердце.

— Ты его знаешь?

— Знаю. Гассанъ авторъ той книги, которую ты держишь въ рукахъ. Зачѣмъ онъ сюда вернулся! Какъ это неосторожно съ его стороны! Боже мой, какъ неосторожно!

Ты представить себѣ не можешь, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова!

— Онъ изгнанъ отсюда? За что? Какое совершилъ онъ преступленіе?

— О, хуже того! Онъ запутанъ въ важной политической интригѣ... Безумецъ мечталъ о несбыточныхъ реформахъ, объ эманципаціи феллаховъ и т. п.

На мои дальнѣйшіе разспросы мнѣ отвѣчали, что мой герой — сынъ одного изъ министровъ Мегеметъ-Али, что вся его семья перерѣзана, имущество конфисковано, а самъ онъ, изгнанный изъ отечества, поступилъ на турецкую службу и отличился подъ начальствомъ Османа-паши, при оборонѣ Плевны.

— Но въ такомъ случаѣ ему здѣсь грозитъ большая опасность! вскричала я.

Мысль, что, благодаря моей опрометчивости, его убѣжище можетъ быть открыто, заставляла меня вздрагивать отъ ужаса.

— Разумѣется, я его не выдамъ, сказалъ Али, а полиція у насъ такъ плоха, что врядъ-ли его найдутъ въ такомъ отдаленномъ кварталѣ и въ заброшенномъ домѣ... Но я его знаю, у него какая-нибудь цѣль... Безъ цѣли онъ не явился бы сюда... Они, навѣрно, опять что-нибудь замышляютъ...

Вернувшись домой, я не переставала думать о несчастномъ изгнанникѣ, а на другой день опять отправилась къ брату, чтобъ узнать, не случилось-ли чего-нибудь новаго. У нихъ все было по прежнему. Расправшивать про сосѣда было неловко, но я воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ побѣжать въ кіоскъ и броситься къ окну... Увы! сѣтка была задѣлана!

X.

Опасенія мои оправдались. Вчера братъ заѣхалъ навѣстить меня и сообщилъ мнѣ между прочимъ, что возвращеніе Гассана на родину уже извѣстно; въ городѣ толкуютъ, что онъ скрывается въ окрестностяхъ Каира.

Выразить тебѣ не могу, въ какой я тревогѣ! У моего брата доброе сердце, но онъ состоитъ при арабскомъ дворѣ, самомъ хитромъ и осторожномъ въ мірѣ! Нечего и думать о томъ, чтобъ онъ рѣшился компрометировать себя, предупреждая несчастнаго изгнанника объ угрожающей ему опасности. Да и захочетъ-ли Гассанъ слѣдовать его совѣтамъ? Это еще вопросъ. Онъ, говорятъ, такъ гордъ и такъ храбръ, что ничего не боится. Написать развѣ мнѣ ему? Въ первую минуту мысль эта показалась мнѣ чистымъ безуміемъ, но потомъ, чѣмъ больше размышляла я о разговорѣ съ Али, о болтовнѣ людей, призванныхъ въ кіоскъ, чтобъ задѣлать окно, выходящее въ сосѣдній садъ, тѣмъ опаснѣе представлялись мнѣ послѣдствія моей непростительной шалости. Если убѣжище Гассана откроется, я одна буду тому причиной! Неужели у меня не хватитъ мужества спасти его? Но какимъ образомъ? Кого къ нему послать? Какой невольницѣ довѣрить такую важную тайну? Къ тому же, внутреннее убѣжденіе повторяло мнѣ, что онъ послушаетъ только меня одну. Разъ десять бралась я за перо и наконецъ, рѣшилась написать ему слѣдующія двѣ строчки: «Вамъ грозитъ опасность; ваше присутствіе въ Каирѣ извѣстно—уѣзжайте скорѣе».

Записку эту ему доставитъ Зура, сестра Назли, отъ которой для большей безопасности мы скрыли, чье порученіе она исполняетъ. Теперь ему все извѣстно и онъ приметъ надлежащія мѣры, я могу быть спокойна.

XI.

Онъ уѣхалъ! Слава Богу! На другой же день послѣ полученія моего письма, сестра Назли нашла домъ запертымъ и ей сказали, что въ немъ никто не живетъ. Мнѣ удалось спасти его, удалось исправить мою неосторожность, мы теперь съ нимъ квиты и я могу подумать и о себѣ, это тѣмъ болѣе необходимо, что мнѣ уже офиціально объявлено о томъ, что меня скоро выдадутъ замужъ.

Сестра Оснахъ пріѣхала. Надо описать тебѣ мой первый визитъ къ ней, это дастъ тебѣ понятіе о блаженствахъ, ожидающихъ меня въ скоромъ будущемъ.

И такъ, три дня тому назадъ, меня разрядили, какъ султаншу, и въ сопровожденіи Саиды повезли къ старшей сестрѣ. Всю дорогу маленькая мачиха наставляла меня въ безчисленныхъ церемоніяхъ строжайшаго этикета. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ лицѣ Оснахъ, я сталкивалась съ одной изъ самыхъ рьяныхъ послѣдовательницъ исламскихъ традицій. Тутъ же кстати, Саида ознакомила меня съ семействомъ сестры—съ женами ея мужа. У него ихъ четыре и всѣ онѣ точно также законныя, какъ и Оснахъ, и стало быть могутъ требовать отъ меня извѣстнаго рода вниманіе. Домъ ихъ находится въ одной изъ самыхъ узкихъ улицъ Каира. Это одно изъ самыхъ древнихъ зданій въ городѣ. Этимъ домомъ, въ теченіи восьми столѣтій, владѣетъ одинъ и тотъ же старинный родъ, оставляя въ неприкосновенности, какъ внѣшнія украшенія, такъ и внутреннее убранство. Все здѣсь дышетъ таинственною важностью и строгостью. Моя маленькая мачиха перестала щебетать и скорчила серьёзную мину, завидя издали ворота этого мрачнаго жилища. Карета наша въѣхала въ обширный, пустой дворъ, а затѣмъ во второй, окруженный высокими стѣнами, посреди колодезь, выложенный позелѣнѣвшимъ отъ времени мраморомъ. Дворецъ украшенъ прелестными рѣшотками самой тонкой художественной работы. Въ передней стѣнѣ одно только отверстіе—большая дверь, завѣшанная драпировкой изъ бѣлаго сукна, испещренная надписями, вырѣзанными изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей. Ты представить себѣ не можешь, какой восхитительный эфектъ производитъ эта блестящая пестрота на сѣромъ фонѣ каменной стѣны! Это входъ въ сераль.

Саида указала мнѣ на другое зданіе налѣво, на селамликъ, жилище моего зятя Мустафы. По причинѣ этого сосѣдства окна сераля выходятъ въ противоположную сторону, въ садъ. Блестящая драпировка подымается только тогда, когда донъ нѣтъ дома и приличіе требуетъ, чтобъ не только посторонніе люди, проходящіе черезъ этотъ дворъ, но также и домашніе, не приближались бы къ этой двери. При нашемъ появленіи невольницы, черпавшія воду изъ колодца, разбѣжались, а голуби, прохаживавшіеся тутъ же, разлетѣлись въ разныя стороны, дворъ совершенно опустѣлъ и тогда евнухи, вышедшіе къ намъ на встрѣчу, приподняли таинственную завѣсу.

Широкая лѣстница изъ гранита, освѣщенная и днемъ, и ночью разноцвѣтными фонарями, ведетъ во внутреннія покои. На порогѣ большой залы я остановилась, какъ вкопанная, отъ изумленія. Надо видѣть мою сестру Оснахъ здѣсь, среди ея гарема и невольницъ, чтобъ имѣть понятіе объ ея нравѣ и вкусахъ. Въ пунцовомъ атласномъ платьѣ, усыпанномъ драгоцѣнными каменьями, съ длиннымъ чубукомъ во рту, полулежа на великолѣпномъ диванѣ, окруженная блестящей и многочисленной свитой, она показалась мнѣ еще величавѣе и суровѣе, чѣмъ при первомъ нашемъ свиданіи. Глаза ея, сильно подкрашенные, сверкали зловѣщимъ, фанатичнымъ блескомъ изъ-подъ густыхъ, сростающихся вмѣстѣ бровей. Съ величественной медленностью поднялась она со своего мѣста и, поддерживаемая со всѣхъ сторонъ любимыми невольницами, сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу. Въ знакъ признательности за такую великую честь, я должна была низко, низко преклониться передъ нею и поднести къ губамъ край ея платья.

Не переставая оглядывать съ ногъ до головы мой костюмъ, она посадила меня рядомъ съ собой на диванъ. Окна гарема выходятъ съ трехъ сторонъ въ садъ. Потолокъ и стѣны покрыты чудными инкрустаціями изъ фарфора, золотой рѣзьбы, усыпанной бирюзой, красивыми подставками, уставленными рѣдкими вещицами изъ золота, фарфора и слоновой кости. Кругомъ комнаты низкій диванъ, обтянутый великолѣпной тканью, и множество подушекъ. Все это въ чисто восточномъ вкусѣ, безъ малѣйшей примѣси современной моды. Сестра моя ненавидитъ все, что напоминаетъ Европу. Никогда гяуръ не переступалъ порогъ ея гарема и никогда не видалъ ея лица. Какъ ни подготовлена я была къ этой обстановкѣ наставленіями моей мачихи, однако я въ первую минуту растерялась немножко и не вдругъ могла опомниться.

Началось представленіе женъ. Саида называла ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ подходили ко мнѣ: Фатьма, Кадуджа, Аисса. Послѣдней, очень знатнаго происхожденія, недавно минуло двѣнадцать лѣтъ. Между нашими отшельницами въ Шимилахѣ и этими женщинами съ перваго же раза замѣтна большая разница: первыя наивны и беззаботно веселы, какъ дѣти, тогда какъ этихъ замкнутая жизнь довела до idіотизма. Думаютъ-ли онѣ о чемъ-нибудь? Есть-ли у нихъ душа? спрашивала я себя. А онѣ между тѣмъ, оглядѣвъ меня внимательно съ ногъ до головы своими большими, подкрашенными глазами, снова разошлись по своимъ мѣстамъ и предались прежнему far niente!

Вошла красивая и нарядная женщина, окруженная блестящей толпой невольницъ; всѣ передъ нею разступались и преклонялись съ подобострастіемъ. Саида шепнула мнѣ на ухо, что это новая фаворитка. Она подошла ко мнѣ совсѣмъ близко и, разсматривая меня, точно рѣдкостную вещь, предложила мнѣ нѣсколько любезныхъ вопросовъ, а затѣмъ съ улыбкой поднесла къ губамъ пальцы и опустилась на подушки, которыя евнухи поспѣшно кинулись подкладывать для нее на диванъ. Кромѣ своихъ тутъ были также и постороннія посѣтительницы, все важныя госпожи, приглашенныя сестрой ради такого событія, какъ мое посѣщеніе.

Странная обстановка, странные нравы! Эти законныя и равноправныя супруги одного и того же мужа, чего имъ стоитъ скрывать подъ личиной холоднаго равнодушія муки ревности и оскорбленнаго самолюбія, которыми онѣ не могутъ не терзаться? Каково имъ переносить присутствіе какой-нибудь невольницы, которую минутная прихоть господина можетъ сдѣлать ихъ повелительницей? Мнѣ было больно и обидно за нихъ.

Началось угощеніе. Цѣлая вереница красивыхъ невольницъ внесла подносы съ маленькими чашками кофе и трубки съ длинными чубуками. Прошло такимъ образомъ съ часъ времени. Гости начали мало-по-малу разъѣзжаться и мы вскорѣ остались вдвоемъ съ сестрой въ нашемъ углу. Оснахъ спросила у меня, знаю-ли я, что меня ожидаетъ?

— Что такое?

— Тебя отдаютъ замужъ.

— Отецъ говорилъ мнѣ, что это еще тайна, замѣтила я.

— Тайна, но не для меня. Это дѣло я устроила.

Богъ знаетъ почему, но слова эти навели на меня ужасъ.

— Развѣ ты знаешь моего нареченнаго?

— Еще бы! Магометъ братъ моего мужа.

Извѣстіе это точно громовымъ ударомъ поразило меня. Братъ ея мужа! Гаремная жизнь, со всѣми ея отвратительными и унизительными обычаями, безъисходной бездной разверзалась передо мной! Я вернулась домой въ полнѣйшемъ отчаяньи. На другой день, едва только отецъ переступилъ порогъ моей комнаты, какъ я начала у него спрашивать, правду-ли мнѣ сказала Оснахъ?

— Она говоритъ, что вы хотите меня отдать за брата ея мужа?

— Онъ улыбнулся.

— Чего же ты такъ испугалась? Ты его не знаешь, никогда не видѣла?

— Достаточно и того, что я видѣла въ домѣ его брата! вскричала я.

— У Магомета нѣтъ гарема, спокойно возразилъ отецъ, если онъ на тебѣ женится, у него не будетъ другой жены, кромѣ тебя.

Однако я не успокоивалась.

— А если онъ мнѣ не понравится?

— Въ такомъ случаѣ ты за него не выйдешь, вотъ и все. Не волнуйся пожалуйста, развѣ я не обѣщалъ тебѣ его показать до свадьбы?

А затѣмъ онъ началъ распространяться о достоинствахъ моего претендента. Ему тридцать лѣтъ, онъ хорошъ собой, воспитывался въ Европѣ и занимаетъ важное положеніе при дворѣ. Бракъ этотъ будетъ истиннымъ благополучіемъ для всей семьи.

XII.

О моей предстоящей свадьбѣ ужъ громко болтаютъ въ гаремѣ и всѣ наперерывъ мнѣ предсказываютъ величайшія блаженства съ такимъ супругомъ, какъ Магометъ.

На дняхъ отецъ объявилъ мнѣ, чтобъ я пришла послѣ обѣда въ павильонъ, прилегающій къ селямлику.

— Я долженъ тебѣ кого-то представить, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Я тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло, и сердце мое сильно забилось. Извѣстіе это переполошило весь домъ; всѣ наперерывъ принялись меня наряжать и готовить къ свиданію съ женихомъ. Въ назначенный часъ, я отправилась съ миссъ Бель и въ сопровожденіи четырехъ евнуховъ въ павильонъ, гдѣ ждалъ меня отецъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ господинъ очень красивой наружности въ европейскомъ платьѣ. Онъ поспѣшно поднялся при моемъ появленіи.

— Дочь моя, его п-во Магометъ-паша проситъ чести быть тебѣ представленнымъ, сказалъ отецъ по арабски.

Молодой паша прибавилъ къ этому нѣсколько любезныхъ фразъ по французски и мы усѣлись: я рядомъ съ отцомъ на диванѣ, а онъ на кресло противъ насъ. Бель съ книгой въ рукахъ удалилась къ окну. Онъ уменъ, начитанъ, умѣетъ пріятно поддерживать разговоръ. Мало-по-малу я до того ободрилась, что позволила себѣ принять участіе въ бесѣдѣ и выразить мое мнѣніе въ вопросѣ, касающемся политики. Мои познанія кажется пріятно удивили его. Я довольно удачно отвѣчала на его любезныя шутки. Бесѣда начала оживляться.

— Почемъ знать, замѣтила я ему съ усмѣшкой на какой-то комплиментъ, который онъ сумѣлъ ловко ввернуть въ разговоръ, — я можетъ быть уродъ.

— О, нѣтъ, вы не уродъ! вскричалъ онъ, съ весьма лестной для меня увѣренностью.

Отецъ мой лукаво посмѣивался.

— Вамъ этого нельзя знать, развѣ вы меня видѣли?

Онъ отвѣчалъ, что это его тайна, а затѣмъ началъ описывать мою наружность, удивительно вѣрно, даже не забылъ упомянуть о моей черной родинкѣ на лѣвой щекѣ.

— Вы видѣли меня въ Парижѣ! вскричала я внѣ себя отъ изумленія.

— Никогда.

Съ минуту времени наслаждался онъ моимъ недоумѣніемъ, а затѣмъ вынулъ изъ портфеля мою фотографію и показалъ мнѣ ее. Я съ упрекомъ посмотрѣла на отца, который продолжалъ посмѣиваться. Когда онъ уѣхалъ, я должна была сознаться, что знакомство съ господиномъ Могометомъ произвело на меня довольное хорошее впечатлѣніе. Правда, онъ немного гордъ и холоденъ, а во взглядѣ его и въ манерахъ слишкомъ рѣзко проявляется привычка повелѣвать и властвовать... Врядъ-ли онъ способенъ нѣжно любить... Но кто знаетъ! Можетъ быть со временемъ мнѣ удастся смягчить этотъ гордый и непреклонный нравъ и пробудить въ его сердцѣ чувства, подавленныя честолюбивыми замыслами и важными государственными соображеніями и заботами? Изъ словъ отца я знаю, что мой будущій мужъ, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, обязуется имѣть одну только жену. Мы будемъ жить на европейскій ладъ, какъ Али съ Адилой.

XIII.

О моемъ предстоящемъ замужествѣ толкуетъ весь городъ; въ сералѣ всѣ отъ мала до велика заняты этимъ важнымъ событіемъ. Оснахъ осыпаетъ меня нѣжнымъ вниманіемъ и ласками. Мы теперь неразлучны; она возитъ меня по своимъ пріятельницамъ, сопровождаетъ меня на гуляньяхъ, гдѣ такъ случается, что мы постоянно встрѣчаемъ Магомета. Сестра моя имѣетъ талантъ узнавать его въ толпѣ, не взирая на спущенныя сторы нашей кареты, и указываетъ мнѣ на него. Здѣшніе обычаи не позволяютъ ему съ нами раскланиваться, но прошлый разъ, когда наши экипажи поравнялись, мнѣ показалось будто онъ позволилъ себѣ слегка подмигнуть намъ. Оснахъ пристала ко мнѣ съ распросами.

— Видѣла? Ты ему такъ вскружила голову, что онъ забылъ уставъ!

Это приводитъ ее въ восторгъ. Она знаетъ про наше свиданіе, про портретъ и все одобряетъ! Куда дѣлось поклоненіе старинѣ и ея обычаямъ? Мою сестру нельзя узнать! Обстоятельства такъ складываются, что, кажется, развязка моего романа приближается къ концу.

На дняхъ въ семействѣ кормилицы случилось несчастье. Сына ея сестры военный судъ приговорилъ къ разстрѣлянію за побѣгъ изъ полка; онъ солдатъ. Я немедленно отправилась къ моей старшей сестрѣ, которая приняла большое участіе въ этомъ дѣлѣ и объявила, что тотчасъ же поѣдетъ къ Магомету. — Ему легко выхлопотать помилованіе несчастному юношѣ, говорила она, садясь въ карету и приказывая ѣхать во дворецъ своего деверя. Я вернулась домой немного успокоенная. Не прошло и часу, какъ Оснахъ явилась съ извѣстіемъ, что Магометъ самъ желаетъ вручить мнѣ бумагу съ помилованіемъ моего protégé. И дѣйствительно вскорѣ пришли доложить, что Магометъ-паша ожидаетъ насъ въ томъ павильонѣ, въ которомъ я съ нимъ видѣлась въ первый разъ.

Сегодня, наше свиданіе происходило при сестрѣ и разговоръ все время шелъ на арабскомъ языкѣ, такъ что волей неволей приходилось говорить другъ другу «ты». Онъ наговорилъ мнѣ много любезностей, увѣрялъ, что для него величайшее счастье служить мнѣ и просилъ какъ можно чаще пользоваться моею властью надъ нимъ. На прощанье, пользуясь минутой, когда сестра отвернулась отъ насъ чтобъ сорвать розу, онъ даже протянулъ мнѣ руку... Вотъ до чего дошло!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Памяти Я. А. Старостина.

Стих. **Ал. Круглова.**

Ты не былъ геніемъ, твой стихъ
Не прозвучалъ у насъ набатомъ,
Но въ пѣсняхъ искреннихъ своихъ
Скорбѣлъ ты сердцемъ за больныхъ,
Страдалъ съ терпящимъ муки братомъ!

Тебя не зналъ я, но любилъ
Твой стихъ унылый, ты мнѣ былъ
Безвѣстнымъ, но ближайшимъ другомъ,
Съ которымъ я, ночнымъ досугомъ,
Бесѣду велъ и понималъ,
Что тотъ, чей стихъ тоской звучалъ,—
Тоскою, фальшью не грѣшащей,—
Былъ самъ душой—больной, скорбящій!

Прошло не много лѣтъ и мнѣ
Пришлось на чуждой сторонѣ
Съ твоими встрѣтиться друзьями,
Съ кѣмъ ты завѣтными мечтами
Дѣлился, душу открывалъ,
Кому всѣ тайны повѣрялъ!

Они мнѣ многое открыли,
И ихъ разсказы подтвердили,
Что я умѣлъ тебя понять
И муку сердца разгадать.
Но если прежде горячо
Тебя любилъ я,—то еще
Ты сталъ дороже и милѣе,
Твой образъ чище и свѣтлѣе,—
И тяжелѣй произнести:
Погибнулъ онъ на пол-пути,
Встрѣчая горе да ненастье,
Имѣя всѣ права на счастье!

Погибъ! Невыразимо больно
Звучатъ слова... Въ умѣ-жъ невольно
Сознанье горькое встаетъ:
Погибло много и впередъ
Погибель многихъ ожидаетъ
Въ борьбѣ съ нуждою роковой,—
И кто-же, кто-же все виной,
Кто за погибшихъ отвѣчаетъ?
Когда пловецъ предъ нами тонетъ
Зоветъ на помощь насъ и стонетъ,
Но мы, нейдя на зовъ и плачъ,
Спокойно путь свой продолжаемъ,
На гибель холодно взираемъ,—
Скажите, кто его палачъ?
О, если бы честнѣе были
И брата горячѣй любили,
Смогли бъ, съумѣли бъ мы спасти
Погибнувшихъ на пол-пути!

Наши лѣтнія гулянья.

I.

ожетъ-ли имѣть какое-нибудь значеніе для читателя, живущаго гдѣ-нибудь въ Саратовѣ или въ Казани, замѣтка о мѣстахъ лѣтнихъ увеселеній въ столицѣ? Не потеряетъ-ли онъ только время, читая о томъ, какъ устроилъ свой лѣтній садъ какой-нибудь г. Егаревъ или какой-нибудь г. Картавовъ? Эти мысли невольно могутъ придти въ голову каждому изъ нашихъ провинціальныхъ читателей, которому попадется на глаза наша замѣтка. Но мы думаемъ, что она будетъ далеко не лишнею и думаемъ такъ не безъ основанія. Во-первыхъ столичныя увеселительныя заведенія ничѣмъ не отличаются отъ провинціальныхъ увеселительныхъ заведеній, если не придавать значенія тому, что въ провинціи и эти заведенія, и ихъ артисты похуже и подешевле; во-вторыхъ же вопросъ объ увеселительныхъ садахъ и заведеніяхъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ злобой дня. Въ послѣднее время издано нѣсколько распоряженій, запрещающихъ гимназистамъ посѣщать эти сады и эти заведенія; далѣе въ одномъ изъ городовъ поднялась цѣлая буря изъ-за открытія увеселительнаго сада подлѣ ремесленнаго училища. Но что же это за сады, что за увеселенія, отъ которыхъ приходится охранять, какъ отъ заразы, наше юношество? Или эти распоряженія не имѣютъ серьезнаго основанія и принадлежатъ къ числу простыхъ стѣснительныхъ мѣръ? Это вопросъ интересный тѣмъ болѣе, что многіе родители и до сихъ поръ, какъ видно, не дали себѣ яснаго отчета въ томъ, полезны или не полезны подобныя распоряженія. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, лично пришлось присутствовать при слѣдующей сценѣ. Въ «Крестовскомъ саду» было гулянье. Я сидѣлъ подъ навѣсомъ и пилъ чай. Недалеко отъ меня за столомъ помѣстился дежурный полицейскій офицеръ. Только что успѣлъ онъ сѣсть, какъ къ нему подошелъ какой-то господинъ не первой молодости и проговорилъ:

— Проведите, пожалуйста, моего сына!

— То есть какъ это провести? спросилъ полицейскій офицеръ, не сообразивъ въ чемъ дѣло.

— Его не пускаютъ въ садъ, отвѣтилъ господинъ.

— Но значитъ есть какая-нибудь причина на это, замѣтилъ вопросительно представитель полиціи.

— Онъ въ гимназической формѣ, отвѣтилъ господинъ.

— А, въ такомъ случаѣ и я не могу вамъ служить, отвѣтилъ полицейскій офицеръ.—У насъ есть распоряженіе г. градоначальника о томъ, чтобы гимназисты не допускались сюда.

— Ну да, такъ вы и исполняете всѣ предписанія! раздражительно замѣтилъ господинъ.

— На сколько возможно, отвѣтилъ офицеръ.

— Да вы вѣрно не знаете, кто я? уже совсѣмъ строго произнесъ господинъ.

— Не имѣю этого удовольствія... Впрочемъ, кто бы вы ни были, а я все-таки не введу вашего сына, сказалъ представитель полиціи.

Господинъ назвалъ свою фамилію. Оказалось, что это была довольно видная особа. Полицейскій офицеръ довольно вѣжливо замѣтилъ на это, что онъ, узнавъ, кто съ нимъ говоритъ, еще болѣе удивляется настойчивому желанію просителя преступить правила.

— Вы, мнѣ кажется, скорѣе всего должны бы были заботиться объ исполненіи этихъ правилъ, а не нарушать ихъ, проговорилъ онъ.

Едва удалось ему убѣдить этого господина увести сынишку-гимназиста.

Въ другой разъ въ томъ же саду я слышалъ, какъ одинъ изъ музыкантовъ требовалъ, чтобы пропустили въ садъ его сына-гимназиста, и когда ему напомнили о правилахъ, то, оказалось, что онъ даже не читалъ этихъ правилъ, что онъ не зналъ даже о существованіи билета у его сына, что онъ, однимъ словомъ, вовсе и не помышлялъ о томъ, чѣмъ и какъ долженъ руководствоваться его сынъ въ своемъ поведеніи внѣ гимназіи.

— Эхъ вы, господа-родители, замѣтилъ ему полицейскій офицеръ,—сами не думаете о дѣтяхъ, а потомъ жалуетесь, когда ихъ исключаютъ!

— Да это такіе пустяки, возразилъ музыкантъ.

— То-то и худо, что за пустяки подвергаете мальчика отвѣтственности!

Я былъ свидѣтелемъ только этихъ двухъ сценъ, но подобныхъ сценъ, вѣроятно, происходило въ нынѣшнее лѣто не мало и всѣ онѣ доказываютъ только то, что мы еще вовсе не понимаемъ, полезны или вредны для нашихъ дѣтей всѣ эти «Ливадіи», «Крестовскіе сады», «Демидроны» и тому подобныя мѣста лѣтнихъ гуляній.

Взглянемъ поближе на эти гульбища.

II.

Болѣе или менѣе просторная площадка, усыпанная пескомъ, одна или нѣсколько деревянныхъ эстрадъ, неуклюже сколоченныхъ, наскоро вымазанныхъ масляною краскою и уже съ перваго года выглядящихъ старыми; нѣсколько сѣтокъ, канатовъ и трапецій для гимнастовъ, масса грязноватыхъ столиковъ и скамеекъ, неуклюжій театръ въ видѣ сарая или сарай въ видѣ театра, одинъ или два непригладныхъ буфета, толпа лакеевъ въ потертыхъ фракахъ, съ грязными салфетками, среди всего этого нѣсколько тощихъ деревьевъ, жалкихъ цвѣтовъ, узенькихъ аллей и множество мелкихъ фонариковъ, скверныхъ статуй, глупыхъ декорацій—вотъ вамъ и все, изъ чего состоятъ всѣ эти сады лѣтнихъ увеселеній. Въ нынѣшнемъ году ко всему этому прибавилось электрическое освѣщеніе г. Яблочкова, то есть воздвиглись некрасивые сараи для паровиковъ, прибавился вѣчный шумъ этихъ паровиковъ, поднимается отъ нихъ столбъ дыма, происходитъ постоянное миганье электрическихъ фонарей, мѣняется поминутно ихъ бѣлесоватый свѣтъ на красный, тухнутъ эти фонари внезапно, оставляя сады во мракѣ. Что за артисты являются здѣсь? Вездѣ вы встрѣчаете труппы гимнастовъ: въ одномъ мѣстѣ гимнасты искуснѣе, въ другомъ хуже, въ одномъ они одѣты грязно, въ другомъ почище, но упражненія ихъ вездѣ однообразны, повторяются изо дня въ день безъ перемѣнъ, такъ что увидѣвъ разъ въ «Крестовскомъ саду» какихъ-нибудь сестеръ Дубскихъ, какихъ-нибудь Коринн и Строккей, вы можете не смотрѣть болѣе на нихъ: они новаго ничего не сдѣлаютъ. Вообще всѣ гимнастическія упражненія производятъ какое-то отупляющее впечатлѣніе, какъ нѣчто безсмысленное, чисто механическое, но видѣть десять, двадцать разъ, какъ сестрицы Дубскія пройдутъ гуснымъ шагомъ по канату, не измѣняя ни на іоту ни своихъ позъ, ни своихъ эволюцій—это, какъ хотите, можетъ надоѣсть до тошноты, а между тѣмъ и на Крестовскомъ, и въ Ливадіи, и въ Зоологическомъ саду каждый изъ гимнастовъ изо-дня въ день повторяетъ одно и тоже, какъ какой-нибудь фабричный мастеровой, дѣлающій всю жизнь только головки къ булавкамъ или шляпки къ гвоздямъ. Нужно быть полнѣйшимъ идіотомъ, чтобы не почувствовать утомленія отъ этого однообразія, чтобы имѣть терпѣніе по нѣсколько разъ смотрѣть на одни и тѣже упражненія этихъ господъ. Мнѣ случилось слышать, какъ какой-то господинъ, смотря на одного изъ этихъ фабричныхъ рабочихъ-гимнастовъ, замѣтилъ.

— Хоть бы упалъ, чортъ возьми, все бы разнообразіе было!

И дѣйствительно, только этого разнообразія и можетъ ждать публика, съ извѣстной долей кровожаднаго любопытства смотрящая на какія-нибудь головоломныя штуки всѣхъ этихъ тружениковъ. Эти же кровожадные инстинкты говорятъ въ ней, когда она аплодируетъ гимнасту, подбрасывающему, какъ мячикъ, или свертывающему, какъ тряпку, какого-нибудь несчастнаго ребенка, улыбающагося сквозь слезы этой пьянѣющей отъ дикаго восторга толпѣ. Вотъ ребенокъ свалился, стукнувшись объ полъ, вотъ его снова подняли вверхъ и вертятъ ногами, онъ опять падаетъ, его поднимаютъ снова, такъ какъ онъ долженъ «чисто» продѣлать свою работу, — публика замираетъ отъ восторга и ни одинъ голосъ не крикнетъ: «довольно!» Въ этомъ отношеніи наша публика загородныхъ гуляній стоитъ гораздо ниже парижской публики; тамъ, въ Парижѣ, крики «assez! assez!» часто прерываютъ неудачныя штуки дѣтей-гимнастовъ. У насъ, напротивъ того, сколько бы разъ ни падалъ ребенокъ-гимнастъ, старшіе гимнасты всетаки невозбранно могутъ заставить его додѣлать трудное сальтомортале. Что за дѣло публикѣ, что дитя готово разрыдаться! Ей нужно потѣшиться за свои деньги!

Ужь не пожалѣть-ли, въ самомъ дѣлѣ, что гимназисты не могутъ вездѣ, во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, принимать участіе въ этихъ наслажденіяхъ? Ужь не начать-ли утверждать, что это и развиваетъ умъ, и смягчаетъ нравы, и поднимаетъ нравственность?

Впрочемъ родители вѣроятно думаютъ именно такъ, потому что въ «Зоологическій садъ», гдѣ всего больше этихъ головоломныхъ упражненій, тащутъ цѣлыя массы дѣтей смотрѣть, до какой степени можно исковеркать, изогнуть, изломать дѣтскія кости.

III.

Но рядомъ съ гимнастами въ увеселительныхъ садахъ есть и артисты, поющіе и танцующіе, разсказывающіе и жидовскіе, и русскіе разсказы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ появилась г-жа Антуанета, а потомъ г-жа Филиппо. Эти двѣ артистки являются представительницами двухъ жанровъ французскихъ каскадныхъ пѣвицъ. У г-жи Антуанеты не было никакого голоса, она была не очень молода, ея лицо не было особенно красиво, но она пользовалась большимъ успѣхомъ. За что? Она умѣла по десяти разъ подъ рядъ поднимать ногу выше головы! Публика аплодировала ей и кричала: «bis», до тѣхъ поръ, пока нога артистки не поднималась выше головы. Г-жа Луиза Филиппо была красивѣе, моложе и обладала менѣе хриплымъ голосомъ, у нея былъ каскадный талантъ, но не эти качества сдѣлали ее любимицей публики: публика пришла въ восторгъ отъ пѣвицы, когда та спѣла «l'amour», пѣсню, въ которой разсказывается исторія любви и при пѣніи которой пѣвица очень наглядно изображаетъ тѣлодвиженіями все то, что не вполнѣ ясно передается словами. Безъ этой пѣсни г-жа Филиппо не могла уйдти съ эстрады. Эти два жанра: поднимание ногъ выше головы и скабрезность тѣлодвиженій при передачѣ скабрезныхъ шансонетокъ,—въ большей или меньшей мѣрѣ обусловливаютъ успѣхъ всѣхъ французскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ и русскихъ пѣвицъ загородныхъ садовъ. Какая-нибудь неуклюжая и неловкая г-жа Аликсъ пользуется успѣхомъ въ «Крестовскомъ саду», потому что она декольтирована и сверху, и снизу, потому что она умѣетъ какъ-то взвизгивать и неистово прыгать, припѣвая: «oh, qu'il est beau! qu'il est beau!» Г. Гольцеръ съ труппою танцовщицъ производитъ фуроръ на Крестовскомъ, но когда? — когда онъ перескакиваетъ черезъ голову барыни и когда она, поднявъ ногу, вертитъ наноскѣ его шляпу. Сальность, грубая сальность, вотъ главный поводъ къ успѣху. Успѣхомъ пользовалась и г-жа Фру-Фру, но она ничего не умѣла дѣлать, какъ поднимать ногу «на караулъ» и молча стоять въ этомъ положеніи по пяти минутъ: публика рычала отъ восторга.

Бѣдное юношество, оно лишено возможности наслаждаться этими зрѣлищами. Долой гимназическую форму, шейте себѣ статское платье и идите, мальчики, любоваться этимъ разнузданнымъ цинизмомъ!

Но не вездѣ же это задиранье ногъ привлекаетъ публику. Вотъ «Ливадія» съ серьезнымъ пѣвцомъ г. Кузнецовымъ, съ серьезною пѣвицей г-жей Бэллэ, съ талантливымъ актеромъ г. Градовымъ и т. д. Да! Но взгляните, что здѣсь пользуется дѣйствительнымъ успѣхомъ. Серьезныя аріи г. Кузнецова, г. Фалькони, г-жи Бэллэ? Нѣтъ! Этихъ артистовъ всегда ждетъ только умѣренный успѣхъ, а фуроръ производятъ г. Градовъ, когда онъ не играетъ, а поетъ пошлые куплеты, г. Пузинскій, когда онъ не играетъ роли комическихъ старухъ, а разсказываетъ глупыя сценки, г. Пушкинъ, когда онъ представляетъ въ пѣсняхъ въ карикатурѣ евреевъ. Что же это за куплеты, разсказы и пѣсни? Мелкія обличенія разныхъ домовладѣльцевъ, адвокатовъ, ростовщиковъ, легкія сальности и глупые намеки, невообразимо скверные вирши, отсутствіе чего-нибудь новаго и оригинальнаго, вотъ и все, что представляютъ вообще распѣваемые разными господами Мушинскими и Богдановыми, такъ-называемые, комическіе куплеты. Эти же куплеты поетъ, къ сожалѣнію, и талантливый г. Градовъ. Ихъ же будутъ пѣть и другіе куплетисты лѣтнихъ увеселительныхъ садовъ, потому что чего-нибудь новаго въ этомъ жанрѣ не существуетъ. Этотъ жанръ привился у насъ въ тѣ времена, когда начала процвѣтать вообще мелкая обличительная литература, съ одной стороны, и оперетки, и шансонетки, съ другой стороны; пошленькіе обличительные куплетцы стали тогда класть на музыку легкихъ шансонетокъ и этотъ жанръ утвердился съ легкой руки театра г. Берга, сдѣлавшись достояніемъ столичной черни. Нечего и говорить, что исправить эти куплетцы никого не могутъ, а если они что могутъ сдѣлать, такъ это только еще болѣе испортить вкусы мало развитой и полуграмотной публики, которая только ихъ и слышитъ. Еще пошлѣе и безсодержательнѣе три или четыре разсказа, которыми цѣлое лѣто угощаетъ публику г. Пузинскій; все содержаніе этихъ разсказовъ можно передать въ четырехъ словахъ: «вотъ какъ глупы бабы». Дѣйствительно, дальше этого разсказы его не идутъ. Одинъ разсказъ идетъ о томъ, что какая-то чиновница была такъ

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.

КАРТИНА ПАЛЬЕРА.

Исповѣдь.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ»

глупа, что прибила сына, увидавъ, что онъ чертитъ круги и углы, когда ему нужно учить геометрію. Другой разсказъ изображаетъ сантиментальную дѣвицу, поющую: «Что это такое, что ни днемъ, ни ночью не даетъ покоя?» причемъ ея нянька замѣчаетъ: «клопы». Третій разсказъ передаетъ, какъ бабѣ, не взявшей билета на желѣзной дорогѣ, посовѣтовали провести только подъ носомъ пальцемъ, когда у нея спросятъ билетъ.,. Да пощадите же публику отъ подобныхъ пошлостей, господа увеселители! А г. Пушкинъ? Это извѣстность въ своемъ родѣ, онъ «спѣваетъ» разныя пѣсни на извѣстные мотивы. Но что это за пѣсни? Евреи пахнутъ лукомъ и чеснокомъ, евреи наживаются плутнями, евреи какіе-то мазурики и въ то же время дураки, вотъ и все содержаніе его невообразимыхъ виршей. Публика хохочетъ, вызываетъ, аплодируетъ, но почему? Потому что г. Пушкинъ коверкаетъ языкъ, потому что онъ поетъ глупости, потому что въ обществѣ всегда найдется достаточное количество людей, которымъ достаточно показать палецъ, чтобы они начали хохотать. Хохочетъ же публика въ зоологическомъ саду, когда «профессоръ» Кальбергъ ежедневно надѣваетъ на плечи желтый платокъ, а на голову чепчикъ съ красными лентами и начинаетъ, причмокивая губами и облизывая ложку, пить кофе, изображая «кофейницу». Онъ продѣлываетъ эту штуку ежедневно нынче, онъ продѣлывалъ ее ежедневно и въ прошломъ году и — ему ежедневно аплодировали и аплодируютъ.

Ужь не эти-ли артисты могутъ имѣть развивающее или облагораживающее вліяніе на юношество? Ужь не о томъ-ли жалѣть, что юношество лишено возможности наслаждаться подобными представленіями?

IV.

Но что же за публика посѣщаетъ эти гульбища? О, это цѣлое столпотвореніе вавилонское. Здѣсь вы встрѣтите и конногвардейца, и генерала, и апраксинца, и своего лакея, и старца, и юношу. Здѣсь бываютъ даже барыни-аристократки и падшія женщины самаго низшаго сорта. Вся эта разношерстная масса бродитъ вначалѣ вечера вяло и сонливо, зѣвая и не зная, что дѣлать. Ее томитъ убійственная, одуряющая скука. Плохіе музыканты, плохіе акробаты, плохіе актеры, плохое помѣщеніе, тѣснота, все это не можетъ ни развлечь, ни развеселить. Смотря на нее, такъ и вспоминаешь слова Э. Реклю, замѣтившаго намъ какъ-то въ «Демидовскомъ саду», что въ Парижѣ на похоронахъ люди смотрятъ веселѣе, чѣмъ у насъ на гуляньи. Но скука царствуетъ только въ началѣ вечера; мало-по-малу, вы замѣчаете какое-то оживленіе; гдѣ-то начинаютъ кричать, кто-то взвизгиваетъ неизвѣстно кому «bis» и «bravo»: публика, оказывается, успѣла подвыпить. Чѣмъ дольше длится вечеръ, тѣмъ больше выпивается и тѣмъ одушевленнѣе дѣлаются крики, вызовы, топанье ногами. Къ концу вечера, когда большая часть пьяна или, по крайней мѣрѣ, навеселѣ, въ садъ появляется цѣлое полчище набѣленныхъ и нарумяненныхъ женщинъ, разряженныхъ и подкрашенныхъ цыганокъ. Одиноко ходящихъ мужчинъ прямо задѣваютъ эти ночныя феи, которыхъ, конечно, и мужчины, въ свою очередь, не оставляютъ въ покоѣ. Зрѣлище начинаетъ дѣлаться отвратительнымъ: пошатывающіяся фигуры пьяныхъ купцовъ и купчихъ, группы бушующей золотой молодежи и прожигателей жизни, сговаривающіяся между собою пары, женщины, ищущія добычи, все это сливается въ темнотѣ въ какую-то неприглядную картину. Вы видите, что и акробаты, и музыка, и актеры, и эти электрическіе фонари и эти шкалики иллюминаціи тутъ не причемъ, что все дѣло въ пивѣ, винѣ, разгулѣ и развратѣ. Въ этомъ отношеніи ужь право лучше садъ «Баварія», гдѣ всѣ пьяны съ самаго начала представленія, гдѣ публика откровенно изъ креселъ подпѣваетъ жалкимъ пѣвицамъ-нѣмкамъ, говоритъ съ ними, кричитъ имъ: «довольно!» «пошли спать!» Попавъ сюда, вы сразу сознаете, куда вы попали, и если вы не любитель скандаловъ, то вы тотчасъ же и уѣдете.

Таковъ въ общемъ характеръ нашихъ увеселительныхъ садовъ. Это кабаки на чистомъ воздухѣ, это открытые дома терпимости. Около нихъ селятся или цѣлыя партіи цыганокъ, какъ около «Крестовскаго сада», или цѣлыя колоніи падшихъ женщинъ, какъ около «Ливадіи» въ Новой деревнѣ вообще и въ Коломяжской улицѣ въ особенности. Около этихъ садовъ, въ которыхъ буфеты не особенно снисходительны относительно цѣнъ, группируются массы портерныхъ, пивныхъ, трактировъ, откуда прибываетъ въ сады уже подгулявшая публика или куда она направляется изъ садовъ доканчивать вечеръ. Ночью во время разъѣздовъ изъ этихъ садовъ большинство мчится въ трактиры, въ Шато-де-Флёръ, въ нумера. Не мало батюшкиныхъ сынковъ, не мало золотой молодежи, не мало замотавшихся бѣдняковъ начало свою карьеру кутежей въ этихъ увеселительныхъ садахъ и очутилось потомъ въ долговомъ отдѣленіи, на скамьѣ подсудимыхъ или въ полнѣйшей нищетѣ. Довольно вспомнить о несчастномъ милліонерѣ П., внукѣ одного изъ уважаемыхъ купцовъ, кутившемъ когда-то на пропалую у Излера и кончившемъ нищетою.

Таковъ характеръ лѣтнихъ увеселеній въ столицѣ, таковъ онъ и въ провинціи, только въ провинціи и акробаты и артисты поплоше и подешевле, такъ какъ они вербуются въ столицѣ же изъ числа тѣхъ, которые уже надоѣли здѣсь. Столица же вербуетъ своихъ увеселителей изъ числа тѣхъ, которые уже надоѣли въ Европѣ, которые не имѣютъ успѣха уже ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ.

Но наша характеристика лѣтнихъ увеселеній была бы не полна, если бы мы не коснулись вопроса о томъ, кто устраиваетъ эти увеселенія вообще.

Въ томъ городѣ, гдѣ въ нынѣшнее лѣто былъ устроенъ увеселительный садъ рядомъ съ ремесленнымъ училищемъ, антрепренершей явилась какая-то мѣщанка или купчиха. Конечно, она и понятія не имѣла, какъ устраиваются хорошія увеселительныя заведенія заграницей, что нужно публикѣ, какъ хорошо обставить дѣло. Она просто знала, что достаточно пригласить какихъ-нибудь плясуновъ и пѣвцовъ въ садъ, набрать оркестръ, назначить плату за входъ въ заведеніе и дѣло пойдетъ. Таковы почти всѣ эти антрепренеры: это купцы, мѣщане, бывшіе лакеи и половые, люди неразвитые, малограмотные. Имъ все равно — открыть-ли трактиръ, снять-ли кабакъ, устроить-ли увеселительный садъ, заняться-ли какимъ-нибудь темнымъ предпріятіемъ, лишь бы были барыши. Не зная, по большей части, ни иностранныхъ языковъ, ни музыкальнаго дѣла, они при помощи разныхъ факторовъ-проходимцевъ вербуютъ за границей труппы, приглашаютъ дережеровъ. По большей части у нихъ нѣтъ даже наличныхъ денегъ и они занимаютъ то тутъ, то тамъ сотни рублей, обсчитываютъ артистовъ, бьются, какъ рыба объ ледъ, и въ концѣ концовъ прогараютъ, какъ покойный Излеръ, какъ множество другихъ антрепренеровъ, находящихся еще въ живыхъ. Долго устоять удается немногимъ и тѣ, если бы они вздумали свести счеты, окажутся несостоятельными должниками. Если вы заглянете закулисы этого мірка — мірка крайне своеобразнаго — съ его факторами, съ его кредиторами, съ его интриганами, то вы крайне удивитесь: это міръ нищеты, гдѣ нищенствуютъ, въ сущности, и хозяинъ, и артисты, и гдѣ наживаются только разныя піявки въ родѣ факторовъ и кредиторовъ, обдѣлывающихъ дѣла и достающихъ деньги.

— Что завтра у васъ бенефесъ? спросилъ я у одного изъ служащихъ въ одномъ изъ подобныхъ садовъ.

— Да, если денегъ хозяинъ достанетъ, отвѣтилъ мнѣ слуга.

— А развѣ нѣтъ денегъ?

— Ни гроша нѣтъ! И такъ у кассира занялъ, а тотъ теперь все вычитаетъ.

— Ну, вотъ завтра въ бенефисъ соберетъ.

— Да и бенефиса не будетъ, если сегодня не достанетъ. Оркестру сегодня надо платить, а дирижеръ не станетъ и играть завтра, если деньги не отдадутся сегодня.

— Ну, а что же новая пѣвица пріѣдетъ? О ней писали въ газетахъ...

— Надо задатокъ пятьсотъ франковъ послать, а гдѣ ихъ взять? Въ газетахъ то напечатали, а денегъ не достали...

Но бьется хозяинъ, бьются и артисты: жалобы на неуплату денегъ, судебныя разбирательства, надуванія артистовъ, все это случается сплошь и рядомъ. Антрепренеръ, если вы поговорите съ нимъ, высчитаетъ тысячные расходы на артистокъ; артистки, если вы поговорите съ ними по душѣ, сознаются вамъ, что эти тысячные оклады чистая фикція, что онѣ, артистки, стоятъ гораздо дешевле, что крупныя цифры окладовъ назначаются только для поддержанія какъ своего реноме, такъ и реноме содержателя увеселительнаго заведенія. Въ сущности, во всѣхъ этихъ садахъ и пляшетъ и пѣсенки поетъ нужда и только нужда.

Главная причина банкротствъ антрепренеровъ этихъ увеселительныхъ заведеній заключается въ томъ, что это люди невѣжественные и непонимающіе вовсе своего дѣла, въ томъ, что это люди безъ всякихъ капиталовъ и съ одной страстью къ наживѣ, въ томъ, что имъ приходится занимать деньги, платя большіе проценты, и нанимать дешевыхъ артистовъ или платить большія деньги бездарностямъ, попадаясь на удочки разныхъ факторовъ. Вслѣдствіе этихъ же причинъ и составъ этихъ увеселительныхъ труппъ не удовлетворяетъ даже самыхъ скромныхъ требованій. При такомъ положеніи дѣлъ всѣ эти увеселительныя заведенія дѣлаются не мѣстами развлеченія и удовольствія, а мѣстами, въ которыя можно сходится только для разгула, кутежей и разврата. Человѣкъ, непривыкшій къ подобнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, выноситъ отсюда чувство одуряющей скуки, все, происходящее здѣсь, кажется ему и пошло, и глупо и безцѣльно и онъ съ трудомъ пойметъ, какъ могутъ люди, бывающіе въ итальянской оперѣ, слушать въ «Крестовскомъ саду» какого-нибудь осипшаго старичка Коринальдези, вѣчно поющаго одну и туже арію изъ Марты или Риголетто, какъ могутъ люди, бывающіе въ русской оперѣ, слушать хоръ русскихъ безголосыхъ и не имѣющихъ понятія о пѣніи пѣвцовъ въ «Демидовскомъ саду», какъ могутъ люди, сколько-нибудь знающіе народную музыку и пѣніе, слушать коверканье русскихъ пѣсенъ молчановскими пѣсенниками въ «Ливадіи».

Торжественный обѣдъ.

Разсказъ **Гренвиля Муррея**. Пер **Н. П. Ч—ко.**

(Окончаніе.)

III.

Представьте себѣ самого худощаваго человѣка, съ ярко-красными скулами, свѣтлой бородой, въ бархатной жакеткѣ съ глубокими карманами и вотъ передъ вами Джонъ Брокеншайръ, какимъ онъ являлся къ намъ каждое Рождество; прибавьте маленькую лысину, покраснѣвшій кончикъ носа и широкую улыбку, обнажавшую его

длинные желтые зубы, напоминавшіе домино, пожелтѣвшее отъ времени, и вы будете имѣть понятіе, какимъ онъ явился въ этотъ достопамятный день въ нашу гостепріимную парижскую квартиру.

Рождество было его единственнымъ днемъ отдыха, если можно назвать отдыхомъ то, что онъ долженъ былъ въ 8 часовъ утра завтракать у дяди, жившаго въ предмѣстьи, слушать обѣдню въ англійской церкви въ 11, закусывать у замужней сестры, потомъ часа три ѣздить по игрушечнымъ лавкамъ, розыскивая лучшіе подарки цѣлому легіону своихъ молодыхъ друзей. Но все-таки это былъ отдыхъ для Джона Брокеншайра; по крайней мѣрѣ онъ не долженъ былъ спѣшить на экстренній поѣздъ и Рождество было единственнымъ днемъ, когда онъ не путешествовалъ, проводилъ въ свое удовольствіе, посвящая его на поддержаніе дружескихъ связей съ родными и знакомыми. Когда онъ пришелъ обѣдать 25 декабря къ Ноэми Лебланъ, мы могли быть увѣрены, что удержимъ его на цѣлый вечеръ и что онъ не выскочитъ изъ за стола между жаркимъ и пирожнымъ, что бы онъ и сдѣлалъ, если бы былъ приглашенъ обѣдать во всякій другой день.

— Mong Dew, друзья мои, какое удовольствіе быть нѣсколько спокойнымъ! воскликнулъ онъ, вытаскивая ножикъ о пятнадцати клинкахъ изъ одного изъ своихъ обширныхъ кармановъ и начиная разрѣзать веревки своихъ разнообразныхъ пакетовъ. Только подумать, никуда не торопиться до четырехъ часовъ пятнадцати минутъ завтрашняго утра, когда я долженъ отправиться въ Ліонъ! Господинъ Барбеларъ, вы мнѣ кажетесь свѣжимъ и здоровымъ; я вамъ принесъ пару туфель на мѣху, чтобы носить ихъ въ тюрьмѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, господинъ Джонъ, смѣялся высокій редакторъ. Вы такъ веселы; ваши дѣла процвѣтаютъ, надѣюсь?

— Дѣла такъ себѣ, отвѣчалъ Джонъ Брокеншайръ. Въ вашей странѣ бываютъ иногда такія времена, когда деньги можно ловить неводомъ и такія, когда приходится тащить монету за монетой удочкой. Это зависитъ отъ политики, а политика всегда измѣнчива.

— Политика почерпается изъ газетъ, замѣтилъ Гротело; если бы публика читала болѣе книги и менѣе газеты, то торговля шла бы лучше.

— Но не моя торговля, сказалъ Барбеларъ, осушивъ свою рюмку. За распространеніе газетъ!

— О! вы, вы бы желали сидѣть въ тюрьмѣ круглый годъ, но подождите, васъ еще на-дняхъ запрутъ на дольше, чѣмъ вы того желаете, проговорила толстая г-жа Гротело.

— Нѣтъ, сударыня, никто не намѣренъ запирать его на дольше, чѣмъ онъ того желаетъ; онъ сейчасъ же броситъ свое занятіе, если замѣтитъ хоть признакъ этого, возразила г-жа Барбеларъ.

Споръ начинался снова, но Джонъ Брокеншайръ остановилъ его.

— Довольно, вы уже объ этомъ спорили въ прошломъ году и въ позапрошломъ, сказалъ онъ. Я воображу, что сижу въ Версалѣ, среди депутатовъ, если вы не перестанете. Но вотъ что я вамъ скажу: я голоденъ и чѣмъ скорѣе мы сядемъ за столъ, тѣмъ будетъ лучше.

— Вашъ гусь, дорогая Ноэми, визжитъ въ кухнѣ и просится на блюдо, весело замѣтилъ Гротело.

— Ахъ да, Ноэми, mong onfong, пожалуйста не подавайте пуддинга въ суповой мискѣ, какъ это вы сдѣлали два года тому назадъ, просилъ Джонъ Брокеншайръ

Ноэми разсмѣялась, вспомнивъ свою погрѣшность въ приготовленіи національнаго англійскаго блюда. Она вышла, чтобы помочь служанкѣ, приглашенной на этотъ вечеръ изъ сосѣдняго ресторана, а нашъ другъ коммерсантъ началъ выкладывать всѣ привезенныя имъ подарки. Никто не былъ забытъ. Барбеларъ получилъ свои мѣховыя туфли, факторъ пѣнковую трубку, купленную при продажѣ запаса старыхъ ружей туркамъ въ Малой Азіи; г-жа Барбеларъ получила норвичскую шаль, имѣвшую видъ кашемировой, а г-жа Гротело кусокъ ліонской шелковой матеріи. Затѣмъ наступила очередь дѣтей; имъ предназначался одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ ящиковъ, которые выставляются нашими парижскими торговцами игрушекъ для развитія вкуса къ роскоши во французскомъ юношествѣ. Виктору были вручены солдаты, производившіе мимическую войну, защищая картонный фортъ; Луизетта была осчастливлена куклой въ шелковомъ платьѣ, закрывавшей глаза и говорившей «мамма», какъ настоящее маленькое дитя съ больнымъ желудкомъ. Къ этому надо еще прибавить множество богатыхъ дѣтскихъ книгъ, иллюстрированныхъ моими веселыми друзьями Бертоллемъ и Гревэномъ; эти сокровища я разсмотрю потомъ, потому что Джонъ Брокеншайръ суетъ что-то мнѣ въ руку; оказалось что это кашелекъ изъ русской кожи, да еще порядочно наполненный. При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что ему удалось распространить цѣлую кучу моихъ стиховъ.

Эта была такая пріятная новость, что я весь вспыхнулъ.

— У меня есть и другія, другъ поэтъ, сказалъ онъ, съ трескомъ складывая свой страшный ножъ. Содержатель гостинницы въ Ниццѣ желаетъ рекомендовать вамъ свою жареную рыбу, а пирожникъ изъ Арля увѣренъ, что вы можете сдѣлать популярными его пирожки съ кремомъ.

— Остановитесь на пятистопныхъ стихахъ, поэтъ,—ничего не можетъ быть удобнѣе для типографіи замѣтилъ Гратело, держа въ зубахъ янтарный кончикъ своей трубки.

— Также одинъ мой знакомый изъ Каркасона желаетъ завести дешевыя бани, продолжалъ Брокеншайръ, просматривая свою записную книжку. Такъ какъ онѣ устраиваются въ первый разъ и народъ тамъ еще никогда не видалъ бань, то остряки насмѣшками своими могутъ помѣшать нововведенію, если онъ не привлечетъ ихъ на свою сторону какой-нибудь остроумной эпиграммой, которую и напечатаетъ на своихъ объявленіяхъ.

— Но подождите немного, еще не все, сказалъ Джонъ Брокеншайръ съ улыбкой, которая появлялась на его лицѣ, когда онъ дѣлалъ заказъ, который долженъ былъ быть исполненъ и скоро и хорошо. Я долженъ взять ваши самые лучшіе стихи для одного портнаго. Это экстроважный случай. Какъ вы полагаете, можно-ли сказать что-нибудь тонкое и хорошее по поводу штановъ и жилетовъ?

— Именно въ настоящую минуту у меня есть образецъ портняжныхъ стиховъ, которые стоитъ только дополнить именемъ покупателя, отвѣчалъ я достовая свою карманную книжку.

— Вотъ и отлично. Но вполнѣ-ли они удачны?

— Настолько хороши, насколько я въ состояніи написать; но я постараюсь сдѣлать еще лучше, если это необходимо.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ англичанинъ; но подождите, мы ихъ потомъ прослушаемъ, а теперь пора обѣдать и вотъ подарокъ Ноэми.

Съ этими словами онъ положилъ маленькій квадратный конвертъ подлѣ прибора Ноэми. Она только что вошла, идя впереди служанки, которая несла суповую миску. Ноэми протянула руку, чтобы посмотрѣть свой подарокъ, но Брокеншайръ остановилъ ее.

— Не теперь, моя дорогая, сказалъ онъ. Вы его посмотрите, когда явится плумъ-пуддингъ и освѣтитъ насъ своимъ синимъ огнемъ.

Въ этихъ случаяхъ воля его была закономъ. Ноэми, безъ всякихъ возраженій, принялась разливать супъ; всѣ мы усѣлись, англичанинъ разложилъ свою салфетку на колѣни, а мы, французы, засунули свои за бороды.

Я замѣтилъ, что Брокеншайръ не сказалъ ни слова о мужѣ Ноэми, а она только вопросительно поглядывала на него. Она хорошо знала всѣ его привычки, знала, что приставаньемъ отъ него ничего не узнаешь. Если бы онъ имѣлъ что сказать, то провозгласилъ бы это въ должное время. Теперь же онъ былъ погруженъ въ свой супъ, а мы въ свой. Это былъ превосходный говяжій бульонъ, приправленный пареемъ, и ложки казалось съ любовью погружались въ него. Только у дѣтей не было апетита; они были слишкомъ возбуждены своими подарками и жаловались, что имъ не позволяли идти играть игрушками ихъ друга Брокеншайра.

Такъ продолжался нашъ обѣдъ. Ахъ! друзья мои, какъ бы я желалъ обладать перомъ знаменитыхъ гастрономовъ Эркманъ-Шатріанъ, чтобы описать вамъ эфектъ, произведенный рядомъ видныхъ блюдъ на наши умы! Никто, за исключеніемъ этихъ повѣтствователей стольскихъ сытныхъ празднествъ въ обильной яствами окрестности Фальцбурга, не можетъ отдать справедливости великолѣпному зрѣлищу блюда съ жаренымъ гусемъ, фаршированнымъ каштанами и труфелями и покоющимся въ вкусномъ соку. Кругъ хорошо поджаренныхъ сосисекъ окружаетъ его. Мясо его такъ нѣжно, что ножъ глубоко входитъ въ него и кусокъ, взятый вами въ ротъ съ яблочнымъ соусомъ, точно таетъ у васъ на языкѣ. Не должно забывать, что мы достаточно пили, чтобы избѣжать дурного пищеваренія. Желтый англійскій эль искрился въ нашихъ стаканахъ съ своей бѣлой, легкой пѣной и наше красное бургундское, столь живое и веселое, весело сверкало, какъ расплавленный рубинъ. Гратело и Барбеларъ выпили каждый по бутылкѣ, а потомъ роспили между собой и третью. Ихъ жены обгладывали кости, предаваясь полному наслажденію, и развеселившаяся г-жа Гратело объявила, что это все ей напоминаетъ Альзасъ. Джонъ Брокеншайръ оставался вѣренъ своему пиву и дѣлалъ опустошенія между сосисками. Наконецъ, когда мы были совсѣмъ удовлетворены, Ноэми помогла служанкѣ унести блюда и настала очередь плумъ-пуддинга.

Тогда я откупырилъ бутылку шампанскаго, наполнилъ стаканы и предложилъ тостъ за нашихъ гостей. Въ эту минуту вошла служанка съ пуддингомъ, который держала вытянувъ руки, смѣясь и зажмуривая глаза. Она зажгла спиртъ въ кухнѣ и пламя, переливаясь голубыми, красными и желтыми языками, лизало вѣтки остролистника, украшавшія верхъ пуддинга, и заставляло ихъ трещать. Дѣти хлопали въ ладоши, а Барбеларъ, возбужденный всѣмъ имъ выпитымъ, воскликнулъ: «Vive l'Angleterre». Никогда я не видалъ болѣе веселаго вечера.

Однако Джонъ Брокеншайръ поднялъ палецъ, чтобы заставить всѣхъ молчать.

— Могу я открыть теперь свой конвертъ? робко спросила Ноэми.

— Не теперь, моя дорогая, — одну минуту, отвѣчалъ англичанинъ и черезъ столъ посмотрѣлъ на меня.

— Поэтъ, что вы скажете насчетъ стиховъ для портного? Возьмите въ разсчетъ, что я желаю ему понравиться и выказать свое уваженіе.

— Стихи у меня есть, отвѣчалъ я. Я сохранилъ ихъ на случай внезапнаго заказа.

— Вдохновеніе не всегда приходитъ тогда, когда оно бываетъ нужно, пояснялъ я, вынимая свои стихи и разглаживая ихъ. Васъ могутъ попросить сочинить рифму для ваксы, когда ваши мысли сосредоточены на «eau de Cologne». Какъ фамилія вашего портного?

— Джэкеръ, англичанинъ; но онъ живетъ во

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Я. МАТЕЙКО.

Украинскій пѣвецъ былинъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

Р У С С К А Я   Г А Л Е Р Е Я.

РИСУНОКЪ П. ЧИСТЯКОВА.

„**Сяду я за столъ**“... (Къ стихотв. **Кольцова**).

Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**».

Франціи. Поставьте эту фамилію въ ваши бланки, если она подойдетъ подъ размѣръ.

— Она подойдетъ, отвѣчалъ я, вынимая карандашъ.

— Ну и прекрасно, читайте же, просилъ Джонъ Брокеншайръ.—Это дѣло не пустое и мы всѣ васъ послушаемъ.

Меня удивлялъ тонъ Джона Брокеншайра,—болѣе серьезный, чѣмъ того требовали обстоятельства. Я былъ не силенъ въ чтеніи вслухъ и охотно бы передалъ стихи Ноэми, пріятный и музыкальный голосъ которой, хорошо бы передалъ всѣ поэтическія красоты. Но она подозрѣвала, что тутъ кроется какая-то тайна и была сильно взволнована. И такъ я долженъ былъ прочесть свои стихи самъ, какъ умѣлъ. Здѣсь я ихъ прилагаю. Необходимо прибавить, что они были написаны по-французски, но Брокеншайръ перевелъ ихъ на свой собственный языкъ и далъ имъ заглавіе. Я съ любовью и почтеніемъ посвятилъ ихъ благородному портному, издѣлія котораго пріобрѣли всеобщую извѣстность.

Плата въ рифмахъ.

«Въ раннее лѣтнее утро, когда на травѣ еще блестѣла роса, я заговорилъ съ фермеромъ, дававшимъ кормъ цыплятамъ. Онъ не отвлекся отъ своей работы, но сказалъ мнѣ: «Доброе утро, сосѣдъ; мои штаны стоятъ гинею, а заплатилъ я за нихъ 18 шилинговъ».

«Утреннее солнце поднялось выше, пришелъ покупатель сѣна и спросилъ бородатаго фермера о цѣнѣ его скирдъ; онъ отвѣтилъ: новое сѣно 44 шилинга. А штаны его стоятъ гинею, а обошлись ему восемьнадцать шилинговъ.»

«Потомъ архитекторъ началъ разговоръ объ общемъ заборѣ, о перекладинахъ изъ ствола яблони и о навѣсѣ изъ кирпичей для скота; когда переговоры были кончены, фермеръ опять похвастался, что его штаны стоятъ гинею, а обошлись ему восемьнадцать шилинговъ».

«Когда тѣнь къ полудню уменьшилась, мы сѣли за скромный обѣдъ и веселая дочь фермера приготовила намъ теплый пуншъ; разговорившійся отецъ ея сказалъ, вытянувъ ноги, что его штаны стоятъ гинею, а обошлись ему восемьнадцать шилинговъ».

«Когда солнце сѣло и жена его приготовила намъ чай, онъ взялъ двѣ свѣчи, зажегъ ихъ, и ласточки, смотрѣвшія въ окна, замѣтили что штаны его стоятъ гинею, а обошлись ему восемьнадцать шилинговъ».

«И я зажегъ сигару и, по дорогѣ домой съ завистью мечталъ, чтобы и мои штаны стоили гинею, а обошлись мнѣ всего восемьнадцать шилинговъ».

«Во время сна, одно видѣніе посѣтило меня и въ первый разъ храбрость оставила меня. Но оно улыбнулось и я съ радостью узналъ, что это не посланный отъ стараго Никса. «Я духъ Вильяма Джэкера, знаменитаго англійскаго продавателя штановъ; моя работа стоитъ гинею, но обойдется вамъ восемьнадцать шилинговъ».

———

Я кончилъ чтеніе и уставился глазами въ свою тарелку, какъ то дѣлаютъ авторы, выказывающіе свои таланты въ семейномъ кругу и увѣренные, что сейчасъ раздадутся аплодисменты.

— Браво! воскликнулъ весь столъ, включая сюда и дѣтей; затѣмъ послышался хоръ комплиментовъ отъ всѣхъ, кромѣ Гротело, который былъ недоволенъ размѣромъ моихъ стиховъ.

— Если вы намѣрены писать такіе длинные стихи, то также хорошо можете излагать свои мысли и прозой, сказалъ онъ.

— Шш! воскликнулъ Джонъ Брокеншайръ.—Дайте мнѣ вашу руку, поэтъ. Вы, вѣроятно, рады будете отдать ихъ даромъ (хотя за нихъ будетъ заплочено, не бойтесь), когда вы узнаете, что Вильямъ Джэкеръ дѣлаетъ штаны любимому лакею президента республики.

— Аа! воскликнула г-жа Гротело съ восхищеніемъ.

— Старый солдатъ, я знавалъ его, вставилъ Барбеларъ.—Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые штурмовали Малаховъ курганъ; но теперь онъ носитъ черные панталоны и бѣлый галстукъ, какъ нотаріусъ.

— И онъ каждое утро брѣетъ своего господина, прибавилъ Джонъ Брокеншайръ.

Я поклонился съ признательностью, но былъ въ недоумѣніи. Ноэми же, болѣе сообразительная, какъ женщина, понимала особенный смыслъ фразы и измѣнилась въ лицѣ.

— Слѣдовательно, Вильямъ Джэкеръ имѣетъ вліяніе, какъ вы видите, продолжалъ Брокеншайръ, тряся блюдо съ пуддингомъ, чтобы пламя разлилось всюду.—Вы знаете, что слуги часто имѣютъ болѣе вліянія, чѣмъ члены кабинета. Такъ что, начавъ говорить Вильяму Джэкеру о дѣлѣ бѣднаго Жюля Леблана, я узналъ, что если онъ все повторитъ маршалу, то дѣло приметъ хорошій оборотъ.

— И онъ передалъ? спросила Ноэми задыхаясь.

— Да, моя дорогая, онъ передалъ, отвѣчалъ Джонъ Брокеншайръ.—Онъ передавалъ ему, когда намыливалъ маршала и когда тотъ, будучи обвязанъ салфеткой, не могъ шевелиться.

— Ach lieber Himmel! славный человѣкъ! И что-нибудь изъ этого вышло? спросила г-жа Гротело.

— Да, теперь, Ноэми, вы можете распечатать вашъ конвертъ, отвѣчалъ Брокеншайръ.

— Что же въ немъ? спросили мы всѣ, между тѣмъ, какъ Ноэми, дрожащими руками, срывала печать.

— Въ немъ прощеніе вашего мужа, моя дорогая, сказалъ Джонъ Брокеншайръ. — А теперь примемся за пуддингъ.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

По приблизительному вычисленію Семенова, киргизъ можно считать: въ малой ордѣ 800,000 чел. об. пола, въ средней—400,000; въ букеевской — 150,000; въ большой — 100,000. Всего около 1.500,000 чел.

Киргизскій народъ имѣетъ свою бѣлую кость, степную аристократію, мнимыхъ или дѣйствительныхъ потомковъ древнихъ хановъ, Чингиса и т. д. Къ бѣлой же кости причисляютъ себя и киргизы, возведенные русскимъ правительствомъ въ какой нибудь чинъ или почетное званіе, султаны, родовые старшины, аксакалы и біи, волостные правители. Большинство этихъ аристократовъ живетъ безсовѣстною эксплуатаціею черной кости. «Доставивъ старшему султану, говоритъ Красовскій, изъ своего состоянія болѣе или менѣе порядочный кушъ за его будто бы хлопоты по утвержденію мѣстъ за волостными правителями и, кромѣ того, исправно выплачивая каждый годъ собираемую для киргизскаго правителя дань съ народа, волостные прежде всего только и думаютъ о томъ, чтобы поскорѣе вернуть свой проигрышъ, а потомъ, постепенно вникая въ выгоду такого положенія, измышляя новые пути для своего обогащенія, становятся тѣми маленькими ханами надъ своими подчиненными, на притѣсненія которыхъ киргизы то и дѣло приносятъ жалобы высшему начальству. Послѣднее же находится въ большомъ затрудненіи исправить зло, во первыхъ потому, что убѣждено, будто волостной выбранъ самимъ же жалующимся народомъ, во вторыхъ—потому, что для удостовѣренія незаконныхъ дѣйствій правителя, надобно всякій разъ наряжать разорительное для народа слѣдствіе, и потому рѣдкія просьбы киргизъ побуждаютъ правительство принимать дѣятельныя изслѣдованія, особенно при распространенномъ у насъ понятіи о томъ, что киргизъ зачастую любитъ жаловаться по-пусту. Да притомъ, на мѣсто смѣняемаго явится не желаемый народомъ старшина, неумѣющій вести интригу, но такой же, какъ и прежній, искатель выгодной для себя власти. Иногда, лишь только пройдетъ въ народѣ слухъ о желаніи смѣнить своего волостного, претенденты на занятіе новой должности уже толпятся въ юртѣ старшаго султана, и успѣвшій здѣсь успѣетъ и всюду, народное желаніе будетъ удовлетворено: прежняго правителя смѣстятъ; но заступившій на его мѣсто часто оказывается хуже прежняго» (Красовскій III, 75—76). Изъ всего этого туземнаго чиновничества, одни только біи сохранили до извѣстной степени хорошую репутацію и суды старшинъ и біевъ, скорые и гласные, пользуются у киргизъ большимъ уваженіемъ. Что же касается разныхъ султановъ, волостныхъ правителей и т. д., то это все мелкіе тираны, тѣмъ болѣе вредные, чѣмъ больше они усвоиваютъ себѣ наружный лоскъ русской культуры, расходы на который ложатся новымъ бременемъ на черную кость. Судъ же біевъ играетъ въ жизни киргизъ до того важную роль, что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ подольше. Явившіеся на судъ лица должны сѣсть передъ судомъ не иначе, какъ «джугуныбъ», т. е. на колѣнахъ, поджавъ ноги подъ себя. Слово «джугуню» значитъ: обращаться къ лицу за рѣшеніемъ. Киргизъ, имѣющій претензію, обращаться къ бію (судья) или, вѣрнѣе сказать, къ тому богатому лицу, въ аулѣ котораго проживаетъ его отвѣтчикъ, или что также часто случается — къ тоту богатому и почетному лицу, подъ вліяніемъ котораго находится его отвѣтчикъ, или же, наконецъ—къ своему родоначальнику. Если истецъ не получитъ удовлетворенія отъ перваго изъ упомянутыхъ лицъ, то онъ обращается ко второму, и наконецъ, къ третьему лицу. Киргизъ, который не разсчитываетъ на добросовѣстное рѣшеніе первыхъ двухъ лицъ, обращается прямо къ послѣднему, съ ясауломъ (исполнителемъ порученій) котораго и отправляется къ родоначальнику своего отвѣтчика. Если просьба просителя справедлива, то, по рѣшенію родоначальника, отвѣтчикъ платитъ ясаулу, въ противномъ же случаѣ платитъ проситель.

«Киргизы, враждующіе между собою, по добровольному согласію выбираютъ для рѣшенія своихъ дѣлъ, на каждый случай отдѣльно, такихъ киргизовъ или родоначальниковъ, которые не заинтересованы въ дѣлѣ. Нерѣдко бываетъ даже и такъ, что вдовы знатныхъ особъ, пользующіяся въ степи уваженіемъ, рѣшаютъ тяжебныя дѣла. Есть впрочемъ въ степи такіе киргизы, которые именуются біями, и которые своимъ умомъ и справедливыми рѣшеніями утвердили за собою это имя. Киргизы произносятъ имена такихъ лицъ не иначе какъ съ прибавкою къ ихъ собствен-

ному имени слово «бій», напримѣръ: Арсланъ-бій, Чалдыкъ-бій, Джарылгабъ-бій и т. д.

«Отъ рѣшенія такихъ именитыхъ біевъ враждующія стороны не могутъ уклоняться; если одна которая нибудь сторона отказывается отъ явки къ такимъ біямъ, то враждующіе, по соглашенію между собою, идутъ къ тому лицу, отъ рѣшенія котораго зависитъ идти или нѣтъ къ этому бію.

Недовольные рѣшеніемъ бія и родоначальниковъ терпѣливо ждутъ большого собранія или поминокъ, куда они обыкновенно привозятъ съ собою старшаго изъ своего аула или изъ своего рода, и этотъ старшій долженъ защищать своихъ передъ собравшеюся публикой (въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ старшій изъ прибывшихъ гостей), рѣшенію которой передается апелляціонное разсмотрѣніе дѣла, причемъ такое рѣшеніе общества считается ужь окончательнымъ.

Нетерпѣливый киргизъ, когда его отвѣтчикъ уклоняется отъ рѣшенія дѣла, заставляетъ его являться на судъ барантой, т. е., угономъ у отвѣтчика скота, который при разбирательствѣ дѣла возвращается явившемуся хозяину; этимъ онъ ускоряетъ рѣшеніе дѣла; за баранту отвѣтчикъ не подвергается никакой отвѣтственности и никакому штрафу; на баранту киргизы смотрятъ какъ на мѣру побудительную. Баранту производятъ еще въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона изъ тяжущихся не довольна постановленіемъ; посредствомъ баранты апелирующій вызываетъ своего противника вторично на судъ, на разсмотрѣніе котораго представляетъ первое рѣшеніе. Но за баранту, произведенную въ третій разъ, виновные подвергаются штрафу, и т. д. Біи (судьи), которыхъ выбираютъ киргизы для рѣшенія своихъ дѣлъ, рѣшаютъ всѣ безъ исключенія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, не руководствуясь никакими писанными законами, а своими обычаями, преданіями, повѣрьями и вѣрованіями, переходящими изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Слѣдовательно, они живутъ по своимъ законамъ и понятіямъ, установившимся вслѣдствіи ихъ образа жизни, взглядовъ, условій ихъ быта и проч. Нерѣдко такіе біи при рѣшеніи важныхъ дѣлъ, видя передъ собою двухъ сильныхъ тяжущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, т. е. либо женятъ одного на сестрѣ, на дочери другого, или же, если у одного сынъ а у другого дочь, то заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга «куда», сватами. Бываетъ еще и такъ: у киргизовъ, напр., существуетъ обычай дружиться, при чемъ одинъ обнимаетъ другого черезъ обнаженную саблю, давая обѣтъ дружбы. Сущность такой дружбы заключается въ томъ, что друзья никогда и ни въ чемъ никогда не отказываютъ одинъ другому. Обыкновенно поочередно они пріѣзжаютъ другъ къ другу, дѣлаютъ «калау», выборъ, и безъ всякаго отказа получаютъ ту вещь или скотину, какую выбрали. Выборъ падаетъ на иноходцевъ, беркутовъ, соколовъ, скакуновъ, ковры и вообще рѣдкости. Біи, пользуясь этимъ обычаемъ, заставляютъ двухъ тяжущихся обняться и даютъ право «калау» той сторонѣ, которая заявила искъ, и отвѣтчику въ свою очередь опредѣляютъ для пріѣзда за «калау» самый отдаленный срокъ. Эта маленькая хитрость дѣлается для того, чтобы враги втеченіи этого времени могли помириться и вознаградить взаимные убытки, такъ чтобы вражда ихъ не разгоралась болѣе, по крайней мѣрѣ до того времени, когда всѣ такія тяжбы и иски прекращаются посредствомъ вмѣшательства въ тяжбу вліятельныхъ лицъ цѣлаго племени.

Киргизы чрезвычайно мстительны; для отомщенія своему врагу имъ ничего не стоитъ убить человѣка. Въ этомъ случаѣ жертвой обыкновенно являются либо малолѣтнія дѣти, либо отжившіе свой вѣкъ старцы: тутъ и самые близкіе люди не составляютъ исключенія. Напр., мнѣ извѣстенъ случай: Нѣсколько человѣкъ киргизовъ обратились къ одному почетному бію съ просьбою слѣдующаго содержанія: за прошлую зиму, темною ночью, угнали у нихъ со двора 11 барановъ; рано утромъ на другой день они по свѣжимъ слѣдамъ, пришли въ аулъ султана К., нашли тамъ барановъ и потребовали выдачи виновныхъ. Когда же требованіе ихъ въ аулѣ не было исполнено, то они начали бить нагайками по кибиткѣ султана. Послѣдній, разумѣется, разсердился, и завязалась большая драка. Люди въ аулѣ, видя, что вся эта исторія можетъ имъ повредить въ общественномъ мнѣніи, которымъ киргизы весьма дорожатъ, не долго думая прибѣгли, для отомщенія врагамъ, къ слѣдующей штукѣ: тутъ-же убили дряхлую старуху, мать султана, и бросили ее подъ ноги лошадямъ прибывшихъ киргизовъ, объявляя ихъ убійцами, а затѣмъ сами же дали знать власти о случившемся. Пріѣхавшіе въ аулъ султана киргизы попали подъ арестъ, израсходовались и освободились на волю (что для киргизъ весьма дорого) только тогда, когда тотъ же находчивый султанъ засвидѣтельствовалъ на бумагѣ, что старуха ночью вышла изъ кибитки во время шума на дворѣ, испугалась его, вбѣжала въ коровій дворъ, гдѣ стояли и лошади, и тамъ будто бы найдена мертвою.

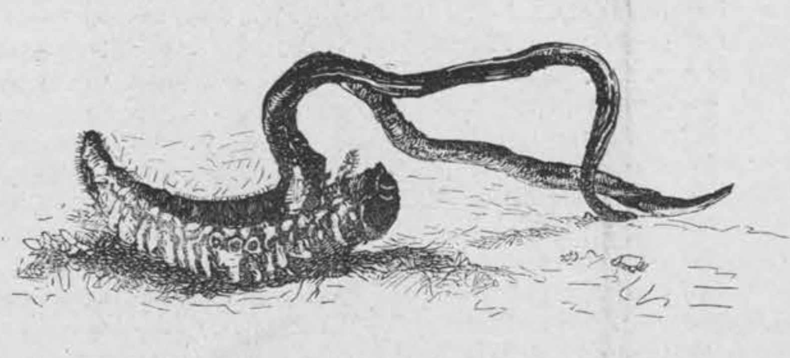
Для характеристики киргизскихъ тяжбъ мы приведемъ здѣсь просьбу одной старухи-киргизки, обратившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ своему начальнику съ слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ у киргизовъ въ подобныхъ случаяхъ, приступомъ къ изложенію дѣла: «Испытываю посрамленіе, ѣмъ палку, печень въ грязи и спина въ водѣ». Послѣ этого она начала приводить пословицы: «Коли дѣло правое, то Богъ за тебя; просилъ—не далъ; плакалъ—не видалъ; всѣ дѣла въ народѣ покончить нельзя; въ кругу большомъ начнешь одинъ, просьбу не выслушаютъ; одинъ потеряетъ лукъ—не находится, у большого племени лукъ потеряется — не пропадетъ». Затѣмъ, выражая свое беззащитное женское положеніе, она привела рифмованную старую поговорку въ четверостишіи: «Гремитъ юноша, какъ громъ, при богатствѣ, не смѣлъ въ разговорѣ при бѣдности: опираясь на желтый лукъ, не погибнетъ, если есть въ немъ жизненность даже мухи!» Мы привели здѣсь только одно предисловіе; они бываютъ довольно длинныя, и выслушивающимъ ихъ, черезъ переводчиковъ, русскимъ чиновникамъ нужно имѣть дѣйствительно большое терпѣніе, а если кто изъ біевъ не выслушаетъ ихъ терпѣливо, то нерѣдко киргизы останавливаются и передаютъ дѣла уже другому бію, благосклонно слушающему все, что говоритъ проситель. Сущность просьбы этой киргизки оказалась въ томъ, что она годъ тому женила своего сына, заплативъ полный калымъ за невѣстку, и перевезла ее къ себѣ въ аулъ; но здѣсь послѣдняя по прошествіи зимы начала выражать свое неудовольствіе на мужа. При перекочевкѣ аула съ одного урочища на другое невѣстка ушла къ своимъ роднымъ, которые, какъ говорила старуха, безъ всякаго на то права, держатъ ее и не выдаютъ мужу, ѣздившему нѣсколько разъ за нею. Вслѣдствіе того старуха просила бія приказать возвратить невѣстку ея мужу. Отвѣтчикомъ со стороны невѣстки явился ея отецъ и на вопросъ бія: почему онъ ее задерживаетъ, отвѣчалъ, что мужъ его дочери неспособенъ къ супружеской жизни. На этомъ основаніи бій, для постановленія по этому дѣлу рѣшенія, сейчасъ же приказалъ свести обоихъ супруговъ. Была доказана неспособность отвѣтчика, и молодой человѣкъ, какъ неспособный исполнять супружескія обязанности, лишился своей жены. Бій предоставилъ ему получить обратно изъ заплаченнаго калыма половину, чѣмъ и успокоилъ его немного и удержалъ разными увѣщаніями отъ самоубійства. Имущество и приданое жены мужъ приказалъ отдать ей».

Киргизы, недовольные рѣшеніемъ выбранныхъ біевъ, по существующимъ порядкамъ должны обращаться къ съѣзду біевъ, при которомъ долженъ присутствовать либо самъ уѣздный начальникъ, либо его помощникъ. При этомъ нерѣдко происходитъ, что съѣхавшіеся біи, голодая нѣсколько дней въ степи,—потому что всѣ аулы откочевываютъ какъ можно дальше отъ мѣста сборища, какъ уже говорено выше, изъ опасенія «кунакъасы»,—сговорившись между собою, постановляютъ рѣшеніе для видимости начальства, которому и докладываютъ, что покончили и рѣшили всѣ дѣла, и затѣмъ спѣшатъ по домамъ, прося тяжущихся слѣдовать съ ними въ аулъ какого нибудь богатаго киргиза, гдѣ уже сами, безъ натяжки и участія русской власти, сидя за сытнымъ ужиномъ, попивая кумузъ или полулежа, не спѣша рѣшаютъ дѣла (Сборникъ народн. юрид. обычаевъ. Матвѣевъ, I, с, 234—237, 241—242, 247—250).

Киргизы всѣ магометане, хотя и плохіе, почти вовсе не имѣютъ мечетей, а ихъ муллы состоятъ изъ разнаго сброда, сибирскихъ и казанскихъ татаръ, бухарскихъ выходцевъ и т. д. Потанинъ встрѣтилъ въ Тарбагатаѣ даже бѣглаго купеческаго сына изъ Москвы, служившаго муллой. Муллы имѣютъ такое же сильное и такое же вредное вліяніе на киргизъ, какъ ламы—на бурятъ. Вотъ что разсказываетъ, напр., Ибрагимовъ. «Въ 1858 г. въ западно-сибирской степи умеръ одинъ довольно богатый киргизъ, котораго не могли спасти отъ смерти даже силою молитвы. Киргизы, какъ вообще всѣ магометане, хоронятъ покойниковъ, въ день смерти, считая грѣхомъ откладывать погребеніе до другого дня. Такъ какъ, по понятіямъ магометанъ, въ рай можетъ попасть лишь тотъ, кто исполнялъ пятикратное моленіе, кто держалъ «уруза» (постъ), очищалъ закетомъ свое имущество, ѣздилъ, если состояніе его позволяло, на поклоненіе въ Мекку, зналъ молитву «Имамъ» и, наконецъ, творилъ хорошія дѣла,—то и по смерти того богача родственники его немедленно послѣ обмыванія принялись, по обычаю, очищать его отъ грѣховъ: подвели къ покойнику, съ правой стороны, верблюда и черезъ трупъ перекинули поводъ узды муллѣ, сидѣвшему по лѣвой сторонѣ трупа; затѣмъ муллу спросили: «берешь ли на себя грѣхи усопшаго, за неисполненіе имъ пятикратнаго моленія?» Мулла 3 раза отвѣтилъ: «беру», и получилъ верблюда. Тотъ же обрядъ былъ повторенъ и съ лошадью, и съ быкомъ, и съ бараномъ, по числу вышеназванныхъ грѣховъ покойнаго, и вся эта живность постепенно становилась собственностью муллы, въ возмездіе за принятіе хозяйскихъ грѣховъ. Затѣмъ послѣдовалъ обычный намазъ, и начались похороны; какъ вдругъ мулла обратилъ вниманіе на одно важное препятствіе къ посмертному благополучію покойнаго. Оказалось, что за нимъ осталась въ долгу не выученная имъ молитва, незнаніе которой, какъ значится въ татарскихъ духовныхъ книгахъ, влечетъ въ адъ. Родственники составили совѣтъ и, зная напередъ, что мулла не согласится на ихъ предложеніе, рѣшили безъ его согласія спустить его въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобъ онъ тамъ произнесъ за умершаго послѣднюю молитву. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. На нѣсколько часовъ оставивъ муллу въ могилѣ, разумѣется, не закрытой, киргизы кучками усѣлись въ 40 шагахъ отъ нея; но не вполнѣ довѣряя муллѣ, они рѣшили оставить при могилѣ еще одного мальчика, такъ какъ только молодые безгрѣшные люди могутъ быть

свидѣтелями столь важнаго дѣла. Хитрый мулла понялъ это и, сидя въ могилѣ, принялся кричать на разные голоса. Услышавъ крики, мальчикъ бросился къ сидѣвшимъ подаль киргизамъ и сообщилъ имъ, что въ могилѣ идетъ сильная борьба. Киргизы поспѣшили было къ могилѣ, но мулла настойчиво потребовалъ чтобы они удалились. Нѣсколько часовъ пробылъ онъ въ могилѣ, а когда его оттуда подняли, сказалъ слѣдующее: «Явились въ могилу два ангела съ накаленными, желѣзными палками, длинными какъ баканъ, и спросили Бугембай-акя (имя умершаго), кто онъ— кафиръ или мусульманинъ? Бугембай-акя онѣмѣлъ отъ ужаса и показалъ на меня. Ангелы молчаніе его приняли за незнаніе молитвы и стали его наказывать, я же сталъ защищать его, говоря, что онъ былъ человѣкъ очень богомольный, исполнялъ, по возможности, всѣ обряды, а за неисполненіе нѣкоторыхъ и за грѣхи уже очистилъ себя сдѣланными мнѣ пожертвованіями; но ангелы не переставали, били его палкой, требовали чтенія молитвы и, наконецъ, связавъ ему руки и ноги, потащили въ адъ. Тогда я, видя, что нѣтъ никакого спасенія, принялся читать молитвы, но въ торопяхъ, какую ни начну—одну, другую, третью, ни которая не помогаетъ. Наконецъ, вспомнилъ молитву, которая всегда выручала меня изъ бѣды, и начинаю читать ее, какъ можно громче, а самъ думаю, что если и эта молитва не поможетъ, то ужь вѣрно покойному суждено Богомъ быть въ аду. Не проходитъ столько времени, сколько нужно хорошей хозяйкѣ, чтобъ надоить кобылу, какъ является ангелъ и спрашиваетъ меня: почему я взялся читать такую сильную молитву? Я отвѣчаю, что покойный заслуживаетъ прощеніе; онъ всегда слушался муллъ и щедро награждалъ ихъ во имя божіе. «Во имя твоей славной молитвы, сказалъ мнѣ ангелъ,—Богъ милуетъ покойника, и онъ сейчасъ къ тебѣ явится». Дѣйствительно въ короткій срокъ, въ какой не успѣетъ простыть молоко, явился предо мною Бугембай-акя, пересказалъ всѣ ужасы ада и, со слезами на глазахъ, прощаясь со мною, просилъ именемъ Бога, чтобъ я непремѣнно женился на его «токалъ» (младшей женѣ) и принялъ все его достояніе. «Вамъ, прибавилъ мулла, обращаясь къ слушавшимъ его родственникамъ покойнаго, — Бугембай-акя посылаетъ свой задушевный привѣтъ: а тебя—тутъ онъ обратился къ старшему сыну покойника, отъ произвола котораго зависѣло все наслѣдство,— умоляетъ поступить подъ мое покровительство; я же спасу тебя отъ гнѣва божія, дабы и ты, подобно отцу своему, заслужилъ милость Бога и избѣгъ ада». Загробная воля Бугембай-акя была исполнена. Вмѣстѣ съ султанами и волостными правителями муллы высасываютъ изъ киргизскаго народа всѣ лучшіе соки его.

Кромѣ массы черной кости у киргизовъ съ древности были рабы или кулы. Потомки куловъ, находясь при семействахъ султановъ, были въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и попадавшіе въ султанскіе работники киргизы. Тѣ и другіе носили до послѣдняго времени одно названіе тюленгутовъ, т. е. прислужниковъ. Отдѣлившійся отъ султанскаго семейства тюленгутъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ равноправенъ простому киргизу, и съ теченіемъ времени, собственно въ простомъ народѣ, само собою исчезло званіе невольниковъ, которые считали себя такими же казаками, какъ и остальные киргизы, вступали въ родство съ послѣдними и, вмѣстѣ кочуя, попали въ ту или другую волость подъ именемъ ясачныхъ киргизовъ, владѣльцевъ скота. Новаго возникновенія въ степи сословія невольниковъ немогло быть съ тѣхъ поръ, какъ сибирская степь строго подчинена дѣйствію русскихъ законовъ. Султанскіе же тюленгуты считались до самаго послѣдняго времени въ роли крѣпостныхъ людей, и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отдѣльными владѣльцами скота, но будучи приписаны тому или другому султанскому роду, въ качествѣ тюленгутовъ, ясака не платили, и только въ 1859 г., когда султаны областные торжественно отказались отъ права владѣть невольниками, состоявшіе при нихъ тюленгуты поступили на общее положеніе ясачныхъ киргизовъ съ пятилѣтнею льготою отъ платежа долга. Но юридическое освобожденіе не многимъ облегчило участь многочисленныхъ бѣдняковъ, состоящихъ въ кабальной зависимости у богатыхъ киргизовъ, казаковъ и т. д. Таковы, напр., станичные джатаки. Лишившись возможности кочевать и не найдя пристанища у родственниковъ или работы въ аулахъ, довольно значительное число кибитокъ жмется къ степнымъ селеніямъ. Не имѣя средствъ построить себѣ здѣсь избы, бѣдняки эти стоятъ круглый годъ въ юртахъ, располагаясь по окраинѣ селенія, или на дворахъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ нашли себѣ работу. Нѣкоторые изъ нихъ числятся въ своихъ аулахъ и, поправивъ средства, иногда откочевываютъ, по большая часть, имѣя своего аульнаго старшину, стоитъ постоянно около избранныхъ ими по своему желанію селеній, подвергаясь, за право пользованія землею, нѣкоторымъ станичнымъ сборамъ. Безъ этихъ неутомимо трудящихся работниковъ, русскія се-

Животное, превращающееся въ растеніе.

ленія находились бы въ еще болѣе жалкомъ положеніи, нежели теперь, и ежели бы только было приведено въ исполненіе намѣреніе нѣкоторыхъ старшихъ султановъ отогнать въ аулы этотъ полезнѣйшій народъ, жизнь въ степныхъ селеніяхъ, при бездѣятельности казаковъ, стала бы просто невозможною. Нарубить и привезти въ селеніе дровъ, обработать пашню или огородъ, полоть все лѣто гряды, скосить лугъ, пасти скотъ жительскій, сходить въ лѣсъ за ягодами и грибами, до поту трудиться на рыбалкѣ, извозничать, возить воду, задавать корму лошадямъ, караулить домъ, гдѣ киргизъ изъ-за куска хлѣба находится на послугахъ, все это дѣло джатака, жена котораго и дочери тоже не остаются праздны: шьютъ въ домахъ, моютъ полы, стираютъ бѣлье и т. п. Множество подобныхъ бѣдняковъ состоитъ въ услуженіи у русскихъ, работаетъ на пріискахъ и т. д. и влачитъ самую жалкую жизнь.

Главный промыселъ киргиза — скотоводство обезпечиваетъ массу населенія довольно хорошо, сравнительно съ другими инородцами Сибири, но падежи, безкормица, гололедица часто лишаютъ киргиза всего его скота и пускаютъ его по міру. Распространеніе въ степи земледѣлія было бы истиннымъ благодѣяніемъ для киргизъ, но въ этомъ отношеніи почти ничего не сдѣлано; въ XVIII в. оренбургское начальство держалось даже теоріи, что киргизы полезны Россіи, только какъ кочевой народъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ. Даже въ 1854 г. Перовскій сдѣлалъ пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она не мѣшала киргизамъ строить за Ураломъ землянки. Степные порядки, казаки и султаны, волостные правители и муллы, тоже въ свою очередь значительно разстраиваютъ киргизскій бытъ, равно какъ и натуральныя повинности. Вотъ что разсказываетъ, напр., корреспондентъ «Сибири» о поѣздкѣ по степи уѣзднаго судьи: «Одному уѣздному судьѣ во время проѣздовъ его по степи, выставляется на станціяхъ по 8-ми юртъ, при чемъ назначеніе каждой юрты таково: I для судьи; II для переводчика судьи; III для судейской кухни; IV для тарантаса г. судьи; V для тарантаса его переводчика на случай дождя и, вообще, непогоды; VI для писца и почтарей; VII на случай арестованія кого нибудь и VIII сортиръ (sic)! Выставка лошадей и юртъ для проѣзда чиновниковъ по степи вообще составляетъ одну изъ земскихъ повинностей; представьте же себѣ, что стоитъ бѣднымъ киргизамъ проѣздъ блюстителя правосудія, когда постановка одной юрты, ея сборка и разборка стоитъ неменѣе 3-хъ руб.» Русская культура до сихъ поръ почти еще не коснулась киргизовъ; напротивъ, казаки, особенно сибирскіе, почти совершенно окиргизились, хотя и презираютъ азіята, считая его животнымъ, тварью. Въ 1867 г. въ Омскѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ въ больницу привезли умирающаго киргиза, которому почтальонъ раскроилъ саблею черепъ за то, что азіятъ не свернулъ во время съ дороги передъ почтовой тройкой. Раненаго окружила толпа любопытныхъ, но никто не пожалѣлъ его, никто ни однимъ словомъ не выразилъ негодованія къ поступку почтальона.

(*Продолженіе будетъ.*)

Превращеніе животнаго въ растеніе.

Послѣднее время обильно замѣчательными открытіями. Къ числу такихъ открытій должна быть отнесена находка, сдѣланная путешественникомъ графомъ Шарлемъ Урселемъ. Онъ встрѣтилъ въ Бразиліи насѣкомое, превращающееся въ растеніе. Этотъ представитель царства животныхъ принадлежитъ къ разряду жесткокрылыхъ. Живетъ это насѣкомое такъ же, какъ и другіе родственные ему виды. Но когда наступитъ для него пора умереть, оно вырываетъ небольшую ямку и ложится въ нее брюшкомъ вверхъ. Затѣмъ оно начинаетъ толстѣть и округляться; кожа на его брюшкѣ лопается и изъ брюшка выходятъ растительныя почки, которыя въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи слѣдуютъ законамъ развитія растительныхъ организмовъ. Такимъ образомъ, изъ почекъ образуется трава, растущая кустомъ, и въ свое время кустикъ покрывается голубыми цвѣтами. Къ сожалѣнію, графъ Урсель не сообщилъ названій, подъ какими извѣстны въ Бразиліи и насѣкомое и произрастающее изъ него растеніе. Притомъ почтенный путешественникъ очень поверхностно изслѣдовалъ свое любопытное открытіе. «Я не могу утверждать положительно, говоритъ онъ, — точно-ли имѣетъ мѣсто превращеніе насѣкомаго въ растеніе или же сѣмяна растенія еще при жизни животнаго входятъ какимъ-нибудь путемъ внутрь его и затѣмъ развиваются послѣ смерти животнаго». Вѣроятно естествоиспытатели серьезно займутся этимъ любопытнымъ явленіемъ и дадутъ ему правильное объясненіе.

Господинъ Темпусъ.

(Разсказъ **Эркмана Шатріана**, переводъ **М. Минутъ**.)

Въ праздникъ св. Себальта, часовъ въ семь вечера, я пріѣхалъ въ Пирмасенъ и остановился у гостинницы «Корона». Весь тотъ день стоя-

за адская жара и мой бѣдный оселъ Шиммель совсѣмъ изнемогъ. Только-что я собрался привязать его къ желѣзному кольцу воротъ, какъ вдругъ мое вниманіе было привлечено прехорошенькой дѣвушкой со вздернутымъ носикомъ; она вышла изъ сѣней и улыбаясь осматривала меня.

— Гдѣ же дядя Блезіусъ? спросилъ я.

— Дядя Блезіусъ! возразила она съ удивленіемъ, — вы вѣрно изъ Америки пріѣхали и не знаете, что онъ ужъ семь лѣтъ какъ померъ.

— Померъ, можетъ-ли это быть! а Шарлота?

Молодая дѣвушка ничего не отвѣтила, пожала плечами и отвернулась.

Я взошелъ въ большую залу. Мнѣ показалось, что ничто тутъ не измѣнилось: скамьи, стулья и столы были на прежнихъ мѣстахъ. Бѣлый котъ Шарлоты, поджавши лапы и прищуриваясь, спокойно дремалъ. По прежнему на полкахъ блестѣли чарки, оловянныя ложки, и часы на прежнемъ мѣстѣ по старому отбивали часы и минуты. Но лишь только я усѣлся возлѣ чугунной печки, послышался странный шелестъ. Я повернулся. Наступала ночь и въ залѣ было довольно темно, но я примѣтилъ около дверей трехъ странныхъ личностей. Они сидѣли у грязнаго стола и играли въ рамсъ. Одинъ изъ нихъ былъ кривой, другой хромой и третій горбатый.

«Странное сочетаніе, подумалъ я, и какъ они могутъ различать карты въ потемкахъ? И какой у нихъ мрачный видъ!»

Въ эту минуту вошла Шарлота со свѣчей въ рукѣ.

Бѣдняжка! Она все еще молодилась; на ней, какъ и въ старые годы, былъ маленькій чепчикъ съ тонкими кружевами, голубая шелковая косыночка, башмачки на высокихъ каблукахъ и тонкіе бѣлые чулки. Она по прежнему подпрыгивала и граціозно покачивалась, какъ бы желая сказать: посмотрите на меня! на мои маленькія ножки, на мои бѣлыя ручки!

Бѣдняжка! Воспоминанія дѣтства пробудились во мнѣ!

Она поставила свѣчу игрокамъ и граціозно поклонилась мнѣ, расправляя юбочку, улыбаясь и подпрыгивая.

— Шарлота, сказалъ я, — вы меня не узнаете?

Она сначала съ удивленіемъ взглянула на меня, потомъ жеманно отвѣтила:

— Вы, г. Теодоръ. О, теперь я васъ узнала. Пойдемте, пойдемте!

Она взяла меня за руку и увлекла въ свою комнату; тамъ открыла она письменный столъ и начала рыться въ старыхъ бумагахъ, въ обрывкахъ лентъ, въ увядшихъ цвѣтахъ, въ картинкахъ, но вдругъ она бросила это занятіе и вскричала:

— Боже мой! вѣдь сегодня св. Себальта — вы пріѣхали какъ разъ кстати.

Она сѣла за старый клавесинъ и запѣла какъ въ минувшее время: «Когда же зацвѣтешь ты, майская роза?»

Эта старая пѣсня, слабый голосокъ Шарлоты, ея морщинистый ротъ, который она едва открывала, ея маленькія сухія руки, которыми она колотила по клавишамъ справа и слѣва, безъ всякаго такта, закатывая глаза подъ потолокъ, металическій звонъ инструмента и потомъ не знаю какой запахъ резеды, розы и уксуса... О, ужасъ! эта дряхлость! О, я безумный, исчезни старуха, чортъ возьми, это, это Шарлота! Она, она! Что за гадость! Я посмотрѣлся въ маленькое зеркало, я былъ страшно блѣденъ!

— Шарлота, Шарлота!

Она обернулась и прошептала, стыдливо опуская глаза:

— Теодоръ, вы по прежнему любите меня?

Меня подралъ морозъ по кожѣ, языкъ прильнулъ къ гортани.

Однимъ прыжкомъ я очутился у двери, но старуха обняла меня, восклицая:

— О, милое, вѣрное сердце, не покидай меня этому горбуну! Онъ скоро придетъ... и какъ разъ сегодня... вотъ слушай!

Но я слышалъ только біеніе сердца.

На улицѣ была тишина, я отдернулъ занавѣску. Свѣжій запахъ жимолости разнесся по комнатѣ. Надъ горой блистала звѣздочка; я долго смотрѣлъ на нее, слезы затуманили мой взоръ. Обернувшись, я увидѣлъ Шарлоту въ обморокѣ.

Бѣдная, старая дѣва! Неужели ты всегда будешь такимъ ребенкомъ?

Нѣсколько капель воды освѣжили ее и она проговорила:

— О, простите, простите меня, я сумасшедшая... При видѣ васъ столько воспоминаній...

И, закрывъ лицо рукой, она просила меня сѣсть возлѣ нея.

(Къ ст. Г. Темпусъ.) Мы увидѣли, что то былъ продавецъ нюренбергскихъ часовъ.

Ея спокойствіе меня тревожило, но что было дѣлать?

Послѣ долгаго молчанія, она заговорила:

— И такъ, не любовь привела васъ въ нашу сторону?

— Ну, душа моя, любовь, конечно, любовь, я положимъ люблю музыку, цвѣты! Но не старыя пѣсни, не старыя сонаты, не увядшую резеду; все это вздоръ!

— Увы! сказала она, складывая руки, — и такъ я обречена горбуну!

— О какомъ горбунѣ вы говорите, Шарлота? Не о томъ-ли, который сидитъ въ залѣ? Если хотите я его выпровожу.

Но печально покачавъ головой, бѣдная дѣвушка казалось собралась съ духомъ и начала слѣдующій необыкновенный разсказъ:

— Когда-то за меня сватались трое: мэръ, нотаріусъ и мировой судья. Мой отецъ мнѣ сказалъ: «Шарлота, тебѣ стоитъ лишь выбрать любого. Партіи прекрасныя». Но я хотѣла подождать. Мнѣ больше нравилось, когда они всѣ трое ухаживали за мной. Мы пѣли, смѣялись, болтали. Мнѣ завидовали всѣ въ городѣ. Боже, какъ времена измѣнились! Однажды вечеромъ они всѣ собрались на каменной скамьѣ у моей двери. Была чудесная погода, вотъ какъ сегодня. Луна освѣщала улицу. Они сидѣли подъ жимолостью и пили мускатное вино, а я сидѣла въ комнатѣ за клавесиномъ и пѣла: «Майскую розу!» Часовъ въ десять послышался галопъ скачущей лошади; мы всѣ подумали, что за странность, кто бы это могъ быть! Но такъ какъ всѣ много танцовали, пили и пѣли, наша веселость поддержала въ насъ мужество, и мужчины посмѣялись надъ страхомъ дамъ. Вскорѣ мы увидѣли приближавшагося всадника; на немъ была громадная шляпа съ перомъ и зеленая куртка; у него былъ длинный носъ и рыжая борода; ко всему еще онъ былъ кривой, хромой и горбатый. Вы можете себѣ представить, Теодоръ, какъ надъ нимъ всѣ потѣшались, а особенно мои поклонники, каждый отпускалъ шуточки, но онъ не возражалъ никому. Когда онъ подъѣхалъ и остановился, мы увидѣли, что то былъ продавецъ нюренбергскихъ часовъ; у него были часы большіе и маленькіе и всѣ они были привязаны черезъ плечо; но меня всего больше заинтересовали большіе стѣнные часы, которые онъ держалъ передъ собой на сѣдлѣ; на циферблатѣ были нарисованы цвѣты и сдѣланъ былъ пѣтухъ, который поворачивалъ голову и подымалъ ноги. Вдругъ часы начали бить съ страшнымъ трескомъ. Продавецъ поочередно взглядывалъ своими быстрыми сѣрыми глазами на мэра, котораго я предпочитала прочимъ, на нотаріуса, и на судью, котораго я очень уважала. Пока онъ ихъ разсматривалъ, они дрожали всѣмъ тѣломъ. Наконецъ окончивъ осмотръ онъ глухо засмѣялся и отъѣхалъ среди общаго молчанія. Мнѣ кажется я его и теперь еще вижу... Нѣсколько дней спустя, мэръ сломалъ ногу, потомъ нотаріусу выкололи глазъ, а судья все горбился да горбился. Ни одинъ докторъ не могъ его вылечить, напрасно онъ мучилъ себя желѣзнымъ корсетомъ, его горбъ увеличивался съ каждымъ днемъ.

Здѣсь Шарлота всплакнула, потомъ продолжала:

— Мои поклонники стали удаляться отъ меня, всѣ обѣгали нашу гостинницу, изрѣдка заглянетъ какой-нибудь проѣзжій!

— Однако, возразилъ я, ваши несчастные калѣки у васъ здѣсь; они васъ не покинули!

— Да, правда, но вѣдь это потому, что имъ некуда больше дѣться, а я ихъ, противъ желанія, мучаю. Просто сама не знаю какъ побороть себя: мнѣ хочется смѣяться съ кривымъ, пѣть съ горбуномъ, который только хрипитъ, и танцовать съ хромымъ. Боже, какое несчастіе!

— Шарлота! вскричалъ я, — это безуміе!

— Тише, шепнула она, и ея лицо страшно измѣнилось, — тише, вотъ онъ!

Она вытаращила глаза и съ ужасомъ указывала на окошко.

На улицѣ было такъ темно хоть глазъ выколи. Однако за окномъ я съ трудомъ различилъ силуэтъ лошади и услышалъ глухое ржаніе.

— Успокойтесь, Шарлота, это заблудилась чья-нибудь лошадь и обрываетъ жимолость.

Въ это мгновеніе окно открылось какъ бы отъ порыва вѣтра, въ комнату просунулась большая голова, прикрытая огромной шляпой, послышался тихій смѣхъ и разбитый звукъ какъ бы боя часовъ. Фигура сперва взглянула на меня, потомъ на Шарлоту, которая была блѣдна, какъ смерть, и окно захлопнулось.

— И зачѣмъ это меня занесло сюда! вскричалъ я съ отчаяніемъ.

Я чуть не схватилъ себя за волосы, да во время вспомнилъ, что былъ лысъ.

Шарлота, обезумѣвшая отъ ужаса, хлопала какъ попало по клавишамъ и пѣла пронзительнымъ голосомъ «Майскую розу».

Это было выше моихъ силъ. Я убѣжалъ въ залу. Свѣчка догорала и издавала запахъ ѣдкой гари. Горбунъ, кривой и хромой сидѣли на томъ же мѣстѣ, но не играли: опершись подбородкомъ на руки, они тихо плакали и слезы капали въ ихъ пустыя кружки.

Пять минутъ спустя я вскочилъ на лошадь и поскакалъ во весь опоръ.

«Майская роза, о майская роза», слышалось мнѣ.

Увы! скрипучее дерево долго живетъ! Да благословитъ ихъ всѣхъ Господь Богъ!

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава VI.

Что произошло у Тюссо.

Мы должны объяснить читателю, какимъ образомъ Сесиль явилась такъ кстати, что своимъ показаніемъ заставила судъ отсрочить произнесеніе приговора и назначить новое слѣдствіе. Послѣ гнусной сцены, разыгранной Гударомъ у Тюссо въ тотъ день, когда фабрикантъ бронзовыхъ издѣлій давалъ пиръ въ честь своей дочери, думая, что навсегда избавился отъ зятя,— Сесиль, испуганная страшною нравственною опасностью, которой подвергалась ея мать, дорого поплатилась за перенесенныя волненія. Ее отнесли въ ея комнату. Она родила на седьмомъ мѣсяцѣ беременности мертваго ребенка, и эти роды были для нея ужасною пыткой. Едва оправилась она отъ нихъ, какъ тотчасъ же подверглась новой болѣзни: родильной горячкѣ, и была на волосъ отъ смерти. Болѣзнь сильно измѣнила Сесиль; бредъ и горячка отняли у нея сознаніе, и бѣдная Амели, ухаживавшая за нею, испытывала двойное мученіе, видя, что жизнь ея брата зависитъ отъ выздоровленія ея подруги. Въ этой болѣзни часто случается, что острый періодъ можетъ имѣть смертельныя послѣдствія или же съ тою же быстротою дать благопріятный результатъ. Перемѣна состоянія наступаетъ внезапно, выздоровленіе почти незамѣтно; полное здоровье является сразу, хотя силы и не возвращаются: тѣло остается слабымъ, но духъ возрождается. Такъ случилось и съ Сесилью. Докторъ, выходя однажды вечеромъ отъ Тюссо, взялъ его подъ руку и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ на улицу, сказавъ:

— Проводите меня.

Испуганный Тюссо послѣдовалъ за нимъ и спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Говорите, докторъ, говорите! Что такое? Моя дочь умираетъ?

— Да, отвѣчалъ докторъ, взявъ Тюссо за руку;—она очень плоха; любезный г. Тюссо; будьте мужчиной, имѣйте больше твердости... Вамъ слѣдуетъ удалить мать...

— Боже мой, Боже мой! рыдалъ Тюссо.— Скажите, докторъ, дочь моя погибла?

— Тюссо, мужайтесь! она очень плоха.

— Она умретъ? спросилъ несчастный отецъ раздирающимъ голосомъ.

— Она молода, сильна; когда человѣкъ молодъ, можно всегда надѣяться... Но, любезный Тюссо, я другъ вашего семейства и обязанъ предупредить васъ... Да, ваша дочь очень, очень слаба... если у васъ есть съ нею общія дѣла, торопитесь, она можетъ не пережить ночи...

Страшно было смотрѣть на несчастнаго отца. Онъ вскрикнулъ и заплакалъ какъ ребенокъ; онъ забылъ, что вышелъ съ докторомъ; бросилъ его и побѣжалъ домой, повторяя въ промежуткѣ рыданій:

— Дитя мое! дитя мое!

Вернувшись домой, онъ поспѣшно вошелъ въ комнату больной. Адель, усталая, измученная, состарѣвшаяся отъ горя и безсонныхъ ночей, сидѣла у изголовья дочери, улыбаясь Сесили, которая уже не видѣла ее, принимая за улыбку конвульсивныя движенія ея губъ, стараясь увѣрить себя, что больная произноситъ ея имя. Услышавъ шаги мужа она приподняла голову, и бросилась къ нему, увидя его залитое слезами лицо. Она вытолкнула его на площадку передъ комнатой и спросила глухимъ голосомъ:

— Докторъ сказалъ тебѣ, что она погибла?

Тюссо не былъ въ состояніи отвѣтить, онъ кивнулъ утвердительно головой, заплакалъ еще сильнѣе, и обнялъ жену. Адель не отвѣчала на его ласки; взглядъ ея сталъ неподвиженъ, ни одна слеза не показалась на глазахъ; слезливая чувствительность мужа казалась ей недостойной переживаемаго горя.

— Что онъ сказалъ? Скоро? спросила она сухо.

— Она не переживетъ ночи, отвѣчалъ, рыдая, Тюссо.

Адель высвободилась изъ его объятій; она была совершенно подавлена; машинально подошла къ кровати, отодвинула стклянки съ лекарствомъ, какъ болѣе ненужныя... сѣла, взявъ въ свои руки руку дочери, и словно застыла, глядя ей въ глаза.

Это молчаливое, сдержанное горе было ужасно, и мать внушала болѣе жалости и сострадания, чѣмъ умирающая дочь.

Комната супруговъ Тюссо находилась противъ комнаты Сесиль; Клодъ вошелъ въ нее и съ воплями и слезами упалъ въ кресло; внизу, въ столовой, оставались Амели, Шади и Пальяръ; при видѣ обезумѣвшаго Тюссо, они все поняли. Амели разразилась рыданіями—все было кончено: смерть Сесиль влекла за собою гибель ея брата; еще утромъ адвокатъ сказалъ ей, что достаточно показанія Сесиль, чтобы спасти Мориса... а Сесиль умирала! Морисъ также погибалъ. Подавленная горемъ, несчастная дѣвушка упала на колѣни и стала молиться; Пальяръ тщетно старался ее утѣшить. Она знала, что если не жизнь, то свобода ея брата зависитъ отъ показанія Сесиль, а по несчастному стеченію обстоятельствъ, Сесиль заболѣла, когда началось слѣдствіе. Когда по просьбѣ защитника Мориса, ее вызвали въ судъ, еще существовала надежда на выздоровленіе; она могла бы спасти Мориса, явясь въ засѣданіе... и вдругъ все кончено! Черезъ нѣсколько дней въ судѣ будетъ разбираться дѣло ея брата, а единственный свидѣтель, который могъ спасти его, явиться не можетъ. Не трудно понять, что Амели, вмѣстѣ съ подругою, оплакивала и брата: единственная ея любовь, ея семья погибала!

Пальяръ продолжалъ говорить, но она его не слушала.

— Боже мой, Боже мой! Неужели мы прокляты тобою! Сжалься! Помилуй насъ! взывала она.

Шади, прислонясь къ углу буфета, тоже плакалъ; бѣдный юноша, спасши Сесиль утромъ 21 іюня, почувствовалъ къ ней братскую привязанность, которая увеличилась еще болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ домъ Тюссо; здѣсь онъ чувствовалъ себя точно въ родной семьѣ.

— Бѣдняжка, вздыхалъ онъ,— ну, стоило-ли спасать ее, если она такъ скоро должна умереть!.. Нѣтъ, это несправедливо! Какое несчастіе!

И рыданія его усиливались. Въ комнатѣ больной—Адель, словно окаменѣлая, держала за руку Сесиль, не спуская съ нея глазъ, глядя, какъ жизнь покидаетъ ея дочь. Она не слышала ничьихъ слезъ и рыданій; ей казалось, что молчаніе нарушается только этимъ скорымъ, прерывистымъ дыханіемъ, предсмертнымъ хрипѣніемъ, которое могло прекратиться каждую минуту. Несчастные люди были совершенно уничтожены горемъ; они перестали ухаживать за дочерью, ожидая ея смерти; такая пытка тянулась цѣлыхъ четыре часа, впродолженіи которыхъ никто не рѣшался взглянуть на Сесиль, до такой степени предсмертный хрипъ ея раздиралъ всѣмъ сердце.

Первымъ подошелъ Тюссо, блѣдный, съ искаженными чертами; держась за стѣну, онъ добрался до кровати дочери; предсмертные стоны утихли; жена его сидѣла на томъ же мѣстѣ, склонивъ голову къ изголовью Сесиль и съ минуты на минуту ожидая ея кончины. Тюссо шатался какъ пьяный и повторялъ: «Все кончено! Все кончено!»

Адель его не слышала; онъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, всталъ за ея спиною, взглянулъ на Сесиль и громко вскрикнулъ.

Ему показалось, что Сесиль улыбается и дышетъ свободно; на его крикъ, вбѣжали снизу Пальяръ и Шади въ ту минуту, какъ Тюссо схватилъ въ объятія Адель, говоря ей:

— Адель, Адель, ей лучше!

Несчастная мать старалась улыбнуться.

Дѣйствительно, Сесиль улыбалась и дышала свободно, не слышалось болѣе зловѣщаго хрипѣнія.

— Тебѣ лучше, Сесиль? спросилъ Тюссо.

Всѣмъ показалось, что мрачная комната стала веселой, когда больная отвѣтила слабымъ голосомъ:

— Да, отецъ, да, мнѣ лучше, гораздо лучше. Я долго спала, я счастлива, что вижу васъ опять. О, какой тяжелый сонъ... у меня горитъ въ горлѣ, я хочу пить, мама.

Адель, дрожа, едва удерживая стаканъ, приподняла голову Сесиль, не смѣя ее поцѣловать.

Сесиль была спасена.

Надежда возвратила радость всему дому; несчастіе было такъ близко, что не смѣли вѣрить такой быстрой перемѣнѣ. Больную окружили всевозможными предосторожностями и Адель, какъ внимательная сидѣлка, не позволяла разсказывать Сесили ни о чемъ, что занимало окружающихъ. Амели умирала отъ нетерпѣнія, ей хотѣлось переговорить съ своей подругой, но мать находилась неотступно при ней.

На шестой день Сесиль совершенно оправилась; она выздоравливала и могла уже ходить по комнатѣ, опираясь на руку матери. Адель, успокоясь на ея счетъ, стала пользоваться большей свободой; она начала сходить въ столовую, а въ это время у Сесиль оставалась служанка. Сесиль спросила ее:

— Амели внизу?

— Да, сударыня, тамъ; она очень грустна.

— Скажите ей, но такъ, чтобы маменька не замѣтила, что я прошу ее придти на минуту ко мнѣ.

Служанка спустилась потихоньку и знаками подозвала Амели, которая тотчасъ же пришла наверхъ и, дрожа, подошла къ постели Сесиль; та протянула ей руку и спросила:

— Ну, что, Амели, что новаго? Что Морисъ?

Несмотря на всѣ усилія Амели казаться спокойною, слезы брызнули у нея изъ глазъ и она упала на колѣни у кресла, закрывъ себѣ лицо рукою Сесиль. Молодая женщина съ безпокойствомъ взглянула на нее, отвела руку отъ ея лица и сказала:

— Что случилось? Скажи мнѣ. Онъ все еще въ тюрьмѣ?

— Сегодня назначено разбирательство его дѣла въ судѣ и надъ нимъ тяготѣютъ страшныя улики. Я не рѣшаюсь идти на засѣданіе. Бѣдный братъ не хочетъ сказать, что онъ дѣлалъ въ ночь преступленія; я сказала, что нашла его утромъ, что онъ хотѣлъ лишить себя жизни изъ-за тебя.

Но двое свидѣтелей утверждаютъ, что въ два часа утра, когда совершилось преступленіе, отворялись и наружная дверь и дверь его комнаты.

Сесиль встала, запахнула пеньюаръ, собираясь одѣваться.

— Скорѣе, скорѣе, сказала она, — пошли за каретой, дай мнѣ шаль и снесите меня; мы должны явиться, я разскажу имъ, какъ Морисъ провелъ эту ночь.

Все еще стоя на колѣняхъ, блѣдная, испуганная, съ полуоткрытымъ ртомъ, Амели не вѣрила своимъ ушамъ... она испугалась, что, заговоря о Морисѣ, вопреки приказанію г-жи Тюссо, она снова возбудила горячечное состояніе въ Сесиль.

— Амели, скорѣе, вели позвать карету, дай мнѣ шаль, пусть снесутъ меня... они узнаютъ, какъ Морисъ провелъ эту ночь, продолжала Сесиль; — это была наша брачная ночь, съ этого дня я его жена, понимаешь? Посмотри, вотъ его кольцо.

Такъ какъ всѣ считали, что кольцо, которое носитъ Сесиль, — обручальное кольцо Гудара, Амели подумала, что у ея подруги бредъ и раскаялась въ своихъ словахъ; заговоривъ о Морисѣ съ своею подругой, она, можетъ быть, убила ее и не спасла брата. Она боялась, что г-жа Тюссо можетъ придти сейчасъ и станетъ упрекать ее; она искала средства успокоить больную, такъ какъ Сесиль дѣйствительно была страшна, съ своимъ пристальнымъ взглядомъ и лихорадочными движеніями.

— Сегодня мы не успѣемъ во время пріѣхать въ судъ, сказала Амели. — Засѣданіе уже, вѣроятно, кончилось.

— Будетъ нѣсколько засѣданій? спросила отрывисто Сесиль.

— О, да; сегодня едва-ли успѣютъ кончить допросъ свидѣтелей.

— Ну, мы отправимся завтра, сказала Сесиль вздохнувъ и совершенно спокойно;—я буду чувствовать себя лучше. Меня вызывали въ судъ, какъ свидѣтельницу... О, я помню, я слышала это, когда была очень больна и видѣла, какъ ты плакала.

Амели была поражена; она не могла понять, что означали припадки бреда, такъ неожиданно прекратившіеся; Сесиль угадала ея мысль, сѣла, привлекла ее къ себѣ, обняла и сказала:

— Ты думаешь, что я больна, Мели; нѣтъ, я только слаба, но совершенно здорова... Послушай, голубушка, ты какъ будто даже сомнѣваешься въ своемъ братѣ.

Амели заплакала и опустила голову.

— Подыми голову, Амели, подыми же; твой братъ честный человѣкъ, онъ жертвовалъ собою для меня. Но мнѣ нечего щадить теперь себя; я потребовала у него тайны ради нашего ребенка... Бѣдный малютка умеръ...

Амели снова пристально взглянула на молодую женщину и подумала, что припадокъ возвращается; Сесиль замѣтила, что она дрожитъ, обняла ее и сказала:

— Не бойся, Амели, у меня нѣтъ бреда, я тебѣ говорю правду, ты моя сестра, Морисъ мой настоящій мужъ... Въ ночь 20 іюня мы отравились, сначала отдавшись другъ другу... Въ три часа утра я вышла отъ него, чтобы броситься въ воду, думая, что онъ умеръ. Мой ребенокъ былъ отъ Мориса...

Амели была поражена, она не смѣла вѣрить тому, что слышала; такимъ образомъ, все разъяснялось; не оставалось болѣе сомнѣній, слова Сесиль проливали свѣтъ на путаницу обвиненія. Братъ ея не только освобождался отъ обвиненія, но выходилъ изъ него съ честью, благодаря своему геройскому поступку, — отказу открыть обстоятельство, которое, спасая его отъ смерти, позорило женщину. Амели обняла свою подругу, и плача, на этотъ разъ уже отъ радости и надежды, повторяла:

— Да, это правда, ты моя сестра. О, Сесиль, какъ я тебя люблю!

Когда Сесиль пожертвовала собою, чтобы спасти своего отца и отомстить за Мориса, и вышла за Гудара, съ намѣреніемъ заставить его испытать въ своей жизни всѣ тѣ мученія, которыя онъ причинялъ другимъ, ей необходимо было сохранять всѣ приличія, чтобы остаться главою странной семьи, которую она хотѣла создать; нужно было, чтобы общественное мнѣніе было за нее. Мужъ ея долженъ былъ покориться своему положенію, чтобы скрыть фактъ, который дѣлалъ его смѣшнымъ. Въ то время, Сесиль руководилась только мыслью о своемъ ребенкѣ. Узнавъ, что мужъ ея in extremis живъ, что самоубійство Мориса не удалось, Сесиль испытывала невыразимыя страданія, но думая только о маленькомъ существѣ, которое носила подъ сердцемъ и желая доставить ему спокойную будущность и честное имя, она написала Морису письмо, обезображенное Изой, и явившееся одной изъ самыхъ страшныхъ уликъ, опровергнуть которыя Морисъ былъ не въ состояніи.

Теперь же она оставила мужа, разлученіе супруговъ состоялось; хотя приговоръ былъ въ пользу Сесиль, онъ все-таки произвелъ дурное впечатлѣніе, отчасти сглаженное ея опасною болѣзнью. Буржуазное общество строго относится къ факту разлученія супруговъ: бракъ заключается на всю жизнь, не слѣдуетъ расторгать его, какъ бы ни были тяжелы его послѣдствія; лучше закрыть глаза, смотрѣть сквозь пальцы, если мужъ или жена ведутъ себя не такъ, какъ должно; но оставаться постоянно вмѣстѣ; живите, какъ знаете, но вмѣстѣ, ради семьи, дѣтей... Передъ честной женщиной, оставившей супружескій кровъ, обратившейся въ каторгу, благодаря развратнику или мошеннику мужу, закроются всѣ двери; а она желала только избѣжать столкновенія съ порокомъ, иногда съ преступленіемъ! но въ укоръ ей постоянно раздается фраза: «Она бросила мужа!» Напротивъ, замужняя женщина, скандальное поведеніе которой извѣстно всѣмъ, которая вводитъ въ семью чужого ребенка, всегда встрѣтитъ привѣтъ и улыбку, передъ нею настежь открыты всѣ двери... Сесиль знала это; ради маленькаго существа, которому надлежало явиться на свѣтъ, она оставалась вѣрна плану поведенія, который себѣ составила и сообщила Морису. Когда отвратительная сцена, сдѣланная Гударомъ, ускорила ея роды, угрожавшіе ея здоровью и стоившіе жизни ребенку, Сесиль почувствовала ненависть и вражду; у нея не осталось ребенка, некого было щадить, ей было все равно, что о ней подумаютъ, она ничего не боялась. Болѣзнь принудила ее молчать; по выздоровѣвъ, она намѣревалась все высказать, чтобы спасти Мориса.

Подруги долго бесѣдовали; Сесиль разсказала, что произошло ночью 20 іюня и, кончивъ разсказъ, обратилась къ Амели:

— Бѣги скорѣе къ защитнику; нужно, чтобы завтра же судъ меня выслушалъ. Разскажи ему все, что я тебѣ говорила.

Амели въ двѣ минуты была готова; но въ это время вошла Адель. Увидѣвъ блестящіе глаза Сесиль и румянецъ на ея блѣдныхъ щекахъ, она испугалась и вскричала:

— Ахъ, Боже мой, Амели огорчила тебя; она говорила съ тобою о Морисѣ. Бѣдное дитя мое, какъ ты неблагоразумна; тебѣ снова хуже.

— Нѣтъ, мама, сказала улыбаясь Сесиль,— напротивъ, я чувствую себя очень хорошо, и завтра намѣреваюсь выйти.

— Что ты говоришь! воскликнула Адель.

— Мама, сегодня судятъ Мориса; его обвиняютъ въ томъ, что онъ 20 іюня убилъ женщину, а онъ не хочетъ сказать, гдѣ провелъ ночь. Вѣдь ему грозитъ смерть.

— Но что же ты можешь сдѣлать, дитя мое? Нужно быть благоразумной.

— Какъ, что я могу? Я могу спасти его, сказавъ, что мы провели вмѣстѣ ночь 20 іюня.

— Боже мой, ты погубишь себя... ты убьешь себя этимъ.

— Можетъ быть, но я спасу Мориса.

Адель зарыдала, думая объ опасности, которой подвергала себя ея дочь.

Амели, повинуясь просьбѣ Сесиль, и опасаясь, чтобы мать не остановила ее, поспѣшила уйти. Но ей не удалось застать адвоката. Пальяръ, къ которому она обратилась за совѣтомъ, свелъ ее къ агенту Гюре. Тотъ ей сказалъ, что дѣлать, и мы уже знаемъ все, что произошло въ судѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Украинскій пѣвецъ былинъ. Янъ Матейко это первостепенный художникъ историческаго жанра. На почвѣ исторической живописи у него едва ли есть въ настоящее время соперники. Его историческія картины полны смысла и глубокаго значенія и въ тоже время онѣ отличаются замѣчательной внѣшней техникой. Картина его, копію съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, дышетъ вдохновеніемъ; этотъ украинскій пѣвецъ былинъ является какъ бы поэтическимъ олицетвореніемъ поэта Украйны, поющаго вѣщія пѣсни о прошломъ своей славной родины.

Сяду я за столъ... Кому неизвѣстна прелестная пѣсня Кольцова, начинающаяся этими словами и полная грусти? Милый рисунокъ г. Чистякова довольно удачно воспроизводитъ эту фигуру бѣднаго бобыля-крестьянина, раздумывающаго, «какъ на свѣтѣ жить одинокому». Неказистая обстановка бѣдной крестьянской избы, задумчивое лице бобыля, все навѣваетъ здѣсь тѣ же грустныя думы, которыя навѣваетъ и кольцовская пѣсня.

Въ пивной. Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта сцена собравшагося въ пивной бѣднаго люда: кромѣ взрослыхъ здѣсь есть и дѣти и ихъ уже пріучаютъ пить. Пьянство вообще является одной изъ язвъ современнаго общества и художникъ въ настоящей картинѣ выхватилъ изъ жизни одну изъ этихъ тяжелыхъ сценъ разгула бѣдняковъ.

Бѣдняки и Исповѣдь. Обѣ эти картины появились въ «Салонѣ» нынѣшняго года и были замѣчены публикою. Эти брошенныя, нищія дѣти, появившіяся на порогѣ въ зажиточной крестьянской семьѣ, и эта женщина, кающаяся въ грѣхахъ передъ сытымъ патеромъ,—лица, полныя правды и жизни. Обѣ картины принадлежатъ къ числу лучшихъ жанровыхъ произведеній парижской художественной выставки нынѣшняго года.

СМѢСЬ.

— Еще русскія женщины, получившія ученый дипломъ. Французскія газеты сообщаютъ, что дѣвицы Марія и Луиза Оржеско, дочери поселившагося въ Ниццѣ отставнаго русскаго офицера, блистательно выдержали при марсельскомъ университетѣ испытанія на ученую степень бакалавра. При выдачѣ дѣвицамъ Оржеско установленнаго диплома, онѣ были привѣтствованы восторженными рукоплесканіями публики, присутствовавшей при экзаменѣ.

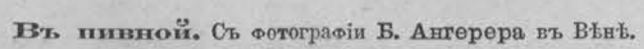
— Женщина-механикъ. «Нов. Врем.» сообщаютъ, что въ числѣ женщинъ, имѣющихъ въ виду

КАРТИНА БРУКЪ-ЛАЙОСА.

Бѣдняки.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

КАРТИНА А. РОТТА.

Въ пивной. Съ фотографіи Б. Ангерера въ Вѣнѣ.

вступить въ настоящемъ году на открывающееся при существующихъ у насъ высшихъ женскихъ курсахъ чисто-математическое отдѣленіе, находится 18-ти-лѣтняя дѣвушка, г-жа Колотова, уроженка вятской губерніи, изучившая, какъ всѣ предметы общеобразовательнаго курса, такъ и математическія науки безъ помощи учителя. Г-жа Колотова обладаетъ большими способностями къ механикѣ, которыя были заявлены ею еще два года тому назадъ на одномъ изъ сибирскихъ золотыхъ пріисковъ, гдѣ служилъ ея уже умершій отецъ, изобрѣтеніемъ чрезвычайно практическаго механизма для промыванія золотоноснаго песка. Къ сожалѣнію, снарядъ этотъ по нѣкоторымъ причинамъ до сихъ поръ не получилъ практическаго примѣненія. Средства для поступленія на курсы доставлены г-жѣ Колотовой однимъ изъ сибирскихъ купцовъ, обратившимъ вниманіе на ея дарованія.

— **Рукописи Тьера.** Газета «Gaulois» сообщаетъ, что въ англійскій банкъ отданы на храненіе Тьеромъ и его вдовою нѣсколько весьма цѣнныхъ рукописей. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ описаніе самимъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ роли, которую онъ игралъ при іюльскомъ правительствѣ, а другая — еще болѣе интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ семи годахъ его жизни (1870 — 1877). Послѣдняя рукопись тотчасъ послѣ смерти Тьера прислана въ Лондонъ его вдовою, опасавшеюся, что министерство герцога Брольи заарестуетъ ее за довольно рѣзкія нападки на маршала Мак-Магона. Сверхъ того, Тьеръ отдалъ на храненіе въ тотъ же банкъ трактатъ о тригонометріи (трудъ его молодости) и сочиненіе философскаго содержанія.

— **Крушеніе шара Жифара.** Извѣстный шаръ Жифара, сооруженный въ прошломъ году, во время всемірной парижской выставки, погибъ. 4 (16) августа, въ $^3/_4$5-го, на Карусельской площади раздался глухой взрывъ. Прохожіе толпами направились къ мѣсту происшествія и увидѣли паденіе на землю извѣстнаго «аэростата на привязи». Вотъ что случилось. Такъ какъ день ожидался дождливый, то подъема шара не было. Однако, въ оградѣ находились всѣ воздухоплаватели и еще около 200 человѣкъ зрителей. Въ три четверти пятаго, какъ мы уже говорили, страшный вихрь, поднявшійся между развалинами тюльерійскаго дворца и набережнымъ его павильономъ, обрушился на привязанный шаръ. Колосъ устоялъ, поколебался на секунду; но потомъ вдругъ раздался страшный трескъ, сопровождавшійся глухимъ гуломъ. Ткань разорвалась вертикально сверху до низу, и вышедшій изъ шара газъ причинилъ взрывъ. На Карусельской площади распространился удушливый запахъ, и менѣе чѣмъ въ полминуты гигантъ-шаръ растянулся на землѣ по направленію къ «Франц. театру». Разодранная на двѣ части громадная оболочка шара занимала огромное пространство. Сѣтка полувисѣла на столбахъ, окружавшихъ корзинку. Къ счастью, въ той сторонѣ, куда шаръ упалъ, никого не было, и потому несчастія никакого не случилось. Воздухоплаватели немедленно призвали полицейскихъ, которые очистили ограду, уже наполнившуюся толпою. Двери были заперты, фонари и флаги сняты. Извѣстіе о взрывѣ разнеслось очень быстро, и съ половины шестого весьма многія лица стали въѣзжать въ экипажахъ на дворъ Каруселя. Должно замѣтить, однако, что этотъ случай былъ бы немыслимъ, еслибъ шаръ былъ поднятъ, такъ какъ онъ уступилъ бы силѣ вѣтра и его бы не разорвало.

— **Открытія на Кавказѣ.** «Русскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ изъ Петровска, дагестанской области, что «однимъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ надняхъ случайно открыты въ близь лежащихъ горахъ залежи сѣры-самородка. Поговариваютъ также о минеральномъ источникѣ, вода котораго по составу своему не уступаетъ водамъ французскаго источника «Виши».

— **Тунель между Испаніей и Африкой.** Англійскіе инженеры задумали устроить гигантскій тунель между Испаніей и Африкой. Его предполагается провести между испанскимъ берегомъ, близъ Алхезираса, и африканскимъ, между Танхеромъ и Сеутою, на протяженіи до $14^1/_2$ километровъ со склономъ 1_{100}. Такъ какъ наибольшая глубина въ Гибралтарскомъ проливѣ простирается до 900 метровъ и имѣется въ виду между морскимъ дномъ и сводомъ тунеля оставить промежутокъ въ 90 метровъ, то наиболѣе глубокое мѣсто тунеля будетъ находиться подъ уровнемъ моря на глубинѣ 990—1,000 метровъ.

— **Буря.** Изъ Кизляра пишутъ газетѣ «Мшакъ», что 23 іюля тамъ была сильная буря, съ дождемъ и градомъ. Всѣ городскіе и окрестные сады, на протяженіи 4 верстъ, или побиты градомъ, или пострадали отъ бури. Убытокъ громадный.

— **Общество общественной гигіены.** Подъ покровительствомъ короля Гумберта образовалось въ Италіи большое національное общество «общественной гигіены», центральное мѣстопребываніе котораго въ Миланѣ, а филіальныя отдѣленія во всѣхъ провинціяхъ и большихъ городахъ монархіи. Цѣль общества—содѣйствовать изслѣдованію, учрежденіямъ и законамъ, имѣющимъ цѣлью способствовать сохраненію и улучшенію физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка. Въ сентябрѣ 1880 г., общество созоветъ въ Туринѣ международный гигіеническій конгресъ, на которомъ будутъ обсуждаться всѣ общественные санитарные вопросы, имѣющіе международный характеръ, въ особенности принятіе мѣръ противъ разныхъ эпидемій.

— **Послѣдствія пьянства родителей на дѣтяхъ.** По изслѣдованіямъ Лансеро истерическія молодыя дѣвушки обыкновенно имѣютъ по крайней мѣрѣ одного изъ родителей, предававшагося пьянству; обыкновенно дѣти обоего пола, происходящія отъ пьяницъ, замѣтно предрасположены къ конвульсіямъ, къ различнымъ «функціональнымъ» разстройствамъ и къ различнымъ воспалительнымъ страданіямъ нервныхъ центровъ. Во время эмбріональнаго періода часто происходятъ неправильности образованія мозга и частыя атрофіи полушарій, въ дальнѣйшемъ будущемъ влекущія paralysis infautum и эпилепсію. Особенно часто замѣчается у дѣтей алкоголистовъ эпилепсія. Въ 83 семействахъ, имѣвшихъ алкогольную исторію, было 410 дѣтей, изъ нихъ у 108, т. е. болѣе чѣмъ у четверти, были конвульсіи; къ 1874 году 169 изъ нихъ умерло; изъ 241 оставшагося въ живыхъ, у 83,—т. е. болѣе чѣмъ у трети наличнаго числа,—существовала эпилепсія.

— **Продажа французскихъ коронныхъ брилліантовъ.** Въ палату депутатовъ внесено предложеніе о продажѣ съ публичнаго торга коронныхъ брилліантовъ. Комисія, на разсмотрѣніе которой оно было передано, вообще одобряетъ его съ тѣмъ однако-же ограниченіемъ, чтобы извѣстные, замѣчательные въ историческомъ или художественномъ отношеніи предметы были сданы въ луврскій музей; что-же касается до остальныхъ, то комисія предлагаетъ немедленно-же превратить ихъ въ наличныя деньги.

— **Проба театральной залы.** 16 іюня 1781 г. сгорѣла парижская опера во второй разъ втеченіи 18 лѣтъ; при этомъ погибло 20 человѣкъ. Немедленно, талантливому архитектору Ленуару было поручено выстроить новое зданіе и въ такой короткій срокъ, что работы производились днемъ и ночью, и черезъ 75 дней было готово колосальное зданіе и уже объявленъ день перваго представленія. Тогда въ столицѣ распространился, можетъ быть, съ злымъ умысломъ распущенный, слухъ, что вслѣдствіе торопливой постройки, она выполнена небрежно и не довольно прочно, такъ что зала можетъ обрушиться, какъ только ее наполнятъ зрители. Публика пришла въ сильное безпокойство. Никто не шелъ покупать билетовъ на первое представленіе. Дирекція оперы была поставлена въ большое затрудненіе, а архитекторъ впалъ въ отчаяніе, что не довѣряютъ его произведенію. Послѣ долгаго совѣщанія и дирекція, и архитекторъ напали на мысль — дать первое даровое представленіе и пригласить мусорщиковъ, носильщиковъ, чистильщиковъ сапоговъ, савояровъ, рыбныхъ торговокъ и т. п. Эти бѣдные люди не боялись мнимой опасности; узнавъ, что они даромъ могутъ насладиться оперой Піччини, «Адель де-Понтье» и увидѣть превосходный балетъ, они толпами явились съ радостными лицами. Они наполняли ложи, оркестръ, амфитеатръ, коридоръ и фойе. Зрительная зала была выстроена на 2500, въ театръ набралось болѣе 4000 человѣкъ, страшно топавшихъ и кричавшихъ отъ восторга, при видѣ непривычнаго зрѣлища. Балки, стѣны, подпоры устояли и прочность постройки была доказана. На слѣдующее представленіе довѣрчиво явилась знатная, нарядная, платящая публика, ради которой бѣдные мусорщики и чистильщики сапогъ рисковали своею жизнью.

— **Опредѣленіе модницы.** По опредѣленію одного нѣмецкаго писателя, модницы и свѣтскія женщины отличаются слѣдующими качествами: модница поручаетъ своихъ дѣтей нянькѣ и ухаживаетъ за собачками; до полудня лежитъ въ постели; носитъ ботинки на бумажныхъ подошвахъ; брянчитъ на фортепьяно и своею музыкою приводитъ въ отчаяніе сосѣдей; забываетъ платить модисткѣ; свысока смотритъ на бѣдныхъ родственниковъ; ходитъ въ церковь, когда у нея есть новая шляпа; не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о наперсткѣ; интересуется знать, гдѣ ростутъ пирожки; ѣстъ потихоньку ветчину и яйца, а за столомъ ложечки двѣ супу, и отвѣчаетъ, когда ее спросятъ о возрастѣ ея младшаго ребенка: «Не знаю, право; спросите кормилицу».

— **Древнее право нѣмецкихъ государей.** Въ средніе вѣка, когда нѣмецкій императоръ пріѣзжалъ въ какой-нибудь городъ, и одному изъ его придворныхъ нравилась хорошенькая дѣвушка, то устроить свадьбу было очень нетрудно. Онъ обращался съ просьбою къ императору и если былъ у него въ милости, нечего было опасаться отказа. Императоръ очень просто принимался за дѣло. Онъ посылалъ герольда къ дому, въ которомъ жила дѣвушка, и та должна была явиться на зовъ и вѣнчаться на слѣдующій же день, причемъ ея согласія вовсе не требовалось, о немъ даже и не спрашивали. Только Генрихъ VI отмѣнилъ это право и позволилъ горожанамъ спрашивать согласія у дочерей, но оставилъ за собою право ходатайства за своихъ приближенныхъ. Разумѣется, ходатайство или просьба въ устахъ короля оставалось равносильнымъ приказанію и, несмотря на ограниченіе, право это ложилось тяжелымъ гнетомъ на подданныхъ. Вслѣдствіе этого, король Рихаръ въ 1257 г. издалъ новый законъ, по которому горожанамъ предоставлялось полное право располагать рукою дочерей.

— **Рѣшительный мальчикъ.** Въ «Пет. Газ.» мы находимъ слѣдующее извѣстіе: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимавшійся постояннымъ извозомъ млавскій мѣщанинъ, еврей Ландау, переѣхалъ на жительство въ Нью-Іоркъ. Дѣла его въ Америкѣ пошли удачно. Старшій его сынъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, былъ необыкновенно шаловливъ, за что его отецъ наказывалъ. Послѣ нѣсколькихъ наказаній, сынъ задумалъ бѣжать въ Европу, къ своему родному дядѣ въ Москву. Въ это время пароходъ съ грузомъ отходилъ изъ Нью-Іорка въ Гамбургъ; маленькій Ландау спрятался на пароходѣ между грузомъ, такъ-что его никто не видѣлъ; когда же пароходъ вышелъ въ море, Ландау, совершенно голодный, вышелъ изъ-за груза и, явившись къ капитану парохода и разсказавъ ему о своемъ намѣреніи, попросилъ у него ѣсть. Денегъ при немъ не было ни копѣйки. Его обласкали, накормили и доставили до Гамбурга даромъ. Не выбрасывать же его, въ самомъ-дѣлѣ, за бортъ, въ воду! Такимъ же образомъ маленькій Ландау доѣхалъ между товарами по желѣзной дорогѣ изъ Гамбурга сперва въ Берлинъ, а потомъ изъ Берлина въ Москву, гдѣ на дняхъ и явился къ дядѣ.

— **Крайне рѣдкое долголѣтіе.** Въ газетѣ «Мшакъ» напечатано письмо приходскаго священника, который сообщаетъ, что 15 іюля, въ Тифлисѣ, на Авлабарѣ, умерла вдова Калія Болнищь, 140 лѣтъ; всю жизнь свою она пользовалась хорошимъ здоровьемъ и лишь предъ смертью проболѣла нѣсколько мѣсяцевъ. Пятнадцати лѣтъ она вышла замужъ; у нея было шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему теперь 100 лѣтъ, самому младшему—57 лѣтъ. Трое изъ ея сыновей живутъ нераздѣльно въ одномъ домѣ, въ полномъ согласіи, и пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ. Всѣ они рыбаки. Все потомство по-

койной состоитъ изъ 50 человѣкъ. При письмѣ приложено медицинское свидѣтельство о лѣтахъ умершей.

— **Брусника.** Сѣверъ Россіи, отличающійся богатствомъ и разнообразіемъ съѣдобныхъ ягодъ, произрастающихъ въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ и на лугахъ, доставляетъ торговлѣ и промышленности въ числѣ другихъ видовъ, клюкву, чернику и бруснику, принадлежащія къ одному и тому же семейству. Изъ этихъ ягодъ брусника менѣе другихъ подвергается переработкѣ, несмотря на то, что по своимъ составнымъ частямъ можетъ быть предметомъ добыванія разнообразныхъ продуктовъ. На добываніе ихъ обратилъ вниманіе г. П. В. Новицкій, которому удалось приготовить изъ брусники предметы однородные съ продуктами яблокъ и другихъ фруктовъ. Онъ получилъ изъ брусники мармеладъ, пастилу, желе, сиропъ и морсъ, которые были имъ выставлены въ числѣ другихъ предметовъ въ собраніи Им. В. Э. Об. Въ своемъ докладѣ, напечатанномъ въ Трудахъ И. В. Э. О., г. Новицкій излагаетъ способъ обработки брусничныхъ ягодъ. Для полученія упомянутыхъ продуктовъ, спѣлая брусника сортируется, отбираются по возможности незрѣлыя и перезрѣлыя ягоды, листья, хвоя, стебли и пр. постороннія предметы; отобранныя ягоды промываются въ одной или въ двухъ водахъ, для отдѣленія значительнаго количества грязи и пыли, пристающей къ ягодамъ. Въ сыромъ видѣ брусника не представляетъ собою очень сочной ягоды, подобно клюквѣ или черникѣ, но эта несочность ея только кажущаяся и стоитъ бруснику подвергнуть дѣйствію умѣреннаго жара, чтобы она дала значительное количество сока. Промытую ягоду кладутъ въ горшокъ, кастрюлю или котелъ, не досыпая до краевъ посуды на полвершка; посуду закрываютъ крышкою и ставятъ въ духовую или русскую печь. Здѣсь брусника пропаривается, причемъ необходимо наблюдать, чтобы верхнія ягоды не подгорѣли. Чтобы спарить бруснику, достаточно $^1/_2$—$^3/_4$ часа; пропаренная въ мѣру брусника выпускаетъ изъ себя сильный ароматическій паръ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что она готова. Пропаренную бруснику вынимаютъ изъ печки и отцѣживаютъ отъ нея сокъ, котораго отдѣляется въ количествѣ одной трети по вѣсу ягоды. Отцѣживать сокъ необходимо тотчасъ же послѣ того, какъ брусника пропарена, иначе ягода вновь вберетъ въ себя сокъ, въ который, затѣмъ, при отдѣленіи его, попадетъ часть мякоти, чего слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ присутствіе мякоти затрудняетъ скорое процѣживаніе сока. Отцѣженный сокъ можно держать въ бутылкахъ или кувшинахъ, не закупоривая ихъ пробками, для того, чтобы сокъ могъ свободно выбродить. Брусничный сокъ въ свѣжемъ видѣ можетъ немедленно идти въ употребленіе, а употребленіе его весьма разнообразно: изъ него можно дѣлать лимонадъ съ сырою водою и сахаромъ, прибавлять къ чаю, которому онъ придаетъ пріятный яблочный вкусъ и затѣмъ дѣлать желе. Брусничное желе получается двухъ родовъ: сырое и вареное. Для полученія сырого желе достаточно взять равное количество сока и песочнаго сахара, положить въ широкую банку и мѣшать смѣсь до тѣхъ поръ, пока сахаръ не разойдется вполнѣ. Затѣмъ, смѣсь, оставленная на нѣсколько часовъ въ покоѣ, превращается въ превосходное сладкое желе гранатоваго цвѣта. Чтобы ускорить образованіе этого сорта желе, его можно поставить на нѣсколько часовъ въ нежаркую духовую печь, или же въ простую, русскую, нѣсколько остывшую печку. Сырое брусничное желе, представляя само по себѣ прекрасное лакомство, въ особенности хорошо для фруктовыхъ маседуановъ и для горячихъ пуншей. Для приготовленія варенаго брусничнаго желе, брусничный сокъ кипятятъ въ плоской кастрюлѣ или тазикѣ, снимаютъ пѣну и, затѣмъ, когда кипящій сокъ не даетъ больше пѣны, прибавляютъ сахару столько, чтобы смѣсь не была очень кислою. Сахаръ мѣшаютъ, снимая образующуюся на поверхности смѣси пѣну. Смѣсь начинаетъ скоро густѣть и когда на ложкѣ образуется желе, то его сливаютъ въ банку и ему достаточно простыть, чтобы быть готовымъ къ употребленію. Вареное желе темнѣе и кислѣе сырого, но за то оно отличается сильнымъ и пріятнымъ ароматомъ и гораздо плотнѣе сырого желе. Кромѣ желе изъ брусничнаго сока можно приготовить отличный кисель, прибавляя къ нему обваренный миндаль, а также желе съ желатиною или рыбьимъ клеемъ, безе и воздушные пироги. Если сырое или вареное желе разбить ложкою на мелкіе куски и посыпать сахарнымъ пескомъ, то получится отличный сиропъ, котораго будетъ выдѣляться тѣмъ болѣе, чѣмъ больше посыпать желе сахаромъ; когда желе выпуститъ весь сиропъ, то въ остаткѣ получится все-таки желе, которое чрезъ нѣсколько дней покроется само собою тонкою корою сахара и оно въ такомъ видѣ можетъ долго сохраняться. Для полученія мармелада и пастилы пропаренную и отцѣженную бруснику протираютъ на волосяномъ, густомъ тройномъ ситѣ; протертую мякоть стараются по возможности скорѣе употребить въ дѣло, не далѣе трехъ-четырехъ дней, иначе мякоть начнетъ бродить и киснуть. Чтобы имѣть хорошій брусничный мармеладъ, надобно взять сахарнаго песку, нѣсколько болѣе, чѣмъ для желе, почти вполтора раза противъ вѣса мякоти, и варить смѣсь, тщательно приготовленную заранѣе, на медленномъ огнѣ, на плитѣ, постоянно мѣшая длинною деревянною ложкою и часто отводить отъ огня, а также закрывать по временамъ крышкою, оставляя небольшое отверстіе для выхода паровъ; мармеладъ можно считать готовымъ, когда мякоть начинаетъ приставать комками на концѣ ложки. Брусничный мармеладъ, только что сваренный, имѣетъ терпкій и кислый вкусъ, который зависитъ отъ свойства самой ягоды. Чтобы лишить мармеладъ этой терпкости и кислоты, его необходимо подвергнуть отсахариванію, которое производится послѣ того, когда мармеладъ выложенъ на блюдо и совершенно остылъ. При остываніи онъ покрывается влагою, то есть выступающимъ изъ него кислымъ сокомъ; въ это время всю поверхность мармелада посыпаютъ слоемъ сахарнаго песка, который, въ соединеніи съ кислотою брусничной массы мармелада, образуетъ превосходный сиропъ. Сиропъ собирается въ особыя бутылки, въ которыя пропускается чрезъ кисею. Отсахариваніе мармелада происходитъ втеченіи 4—5 дней; послѣ чего плотный, отлитый въ плитки мармеладъ обмывается холодною водою, заворачивается въ пропускную бумагу для того, чтобы вытянуть находящуюся на поверхности воду, и затѣмъ сохраняется въ какомъ угодно—холодномъ или тепломъ помѣщеніи. Неплотный мармеладъ слѣдуетъ при отсахариваніи покрывать чѣмъ-нибудь для предохраненія отъ пыли. Для приготовленія пастилы берется равное количество брусничной мякости и сахарнаго песку и сбивается настолько, чтобы сахаръ хорошо смѣшался, послѣ чего къ этой смѣси прибавляется нѣсколько сбитыхъ бѣлковъ. Затѣмъ все ставится въ духовую печь для того, чтобы тѣсто поднялось. Когда тѣсто достаточно подымется, то сверху его образуется вздутая корка. Послѣ этого тѣсто кладется на полотняную раму и ставится въ духовую печь, гдѣ пастила запекается. При этомъ необходимо подъ раму подставлять блюдо, въ которое будетъ стекать обильный сокъ, выступающій изъ брусничной мякоти. Сокъ этотъ можетъ идти, пока онъ жидокъ, на приготовленіе розоваго глазира, безе или воздушнаго пирога. Охлаждающійся же сокъ скоро превращается въ желе, для котораго можетъ найдтись домашнее употребленіе. Приготовленная упомянутымъ способомъ пастила сохраняется очень долго, благодаря своей значительной кислотѣ. Несомнѣнно, что и другіе виды пастилы могутъ быть приготовлены изъ брусничной мякоти. Если желаютъ употребить въ пользу и остатки протертой брусники, т. е. оболочки ягодъ и часть мякости, остающейся на ситѣ, то изъ нихъ можно приготовить квасъ. При обработкѣ брусники для добыванія упомянутыхъ продуктовъ, получается вообще годнаго для дѣла матеріяла, т. е. сока и мякоти, $^2/_3$, остальная часть составляетъ отбросъ, образующійся при протираніи брусничныхъ ягодъ на мякоть. Такъ какъ брусничная ягода, собранная на мѣстѣ ея произрастанія, имѣетъ незначительную цѣнность, то стоимость производства изъ брусники мармелада, пастилы, желе и прочаго обусловливается цѣною сахарнаго песка. Опыты, произведенные г. Новицкимъ, послужили доказательствомъ, что малоцѣнная и притомъ повсемѣстно распространенная на сѣверѣ ягода, какъ брусника, можетъ сдѣлаться предметомъ добыванія самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, на приготовленіе которыхъ идутъ сравнительно дорогія произведенія садоводства, какъ яблоки, груши, абрикосы и пр. Однородные продукты, получаемые изъ брусники, почти ни въ чемъ не уступаютъ таковымъ же продуктамъ изъ культурныхъ плодовъ.

— **Совѣтъ Ротшильда.** Какой-то господинъ жаловался однажды, при баронѣ Ротшильдѣ, что короткій его знакомый занялъ у него на нѣсколько дней 10 тысячъ франковъ и не только не отдаетъ ему этихъ денегъ, но даже не отвѣчаетъ на письма, въ которыхъ ему напоминаютъ про этотъ долгъ.

— Гдѣ вашъ знакомый? спросилъ Ротшильдъ.

— Въ Константинополѣ. Всего хуже то, что у меня нѣтъ отъ него никакого долговаго обязательства.

— Я васъ научу что сдѣлать. Напишите ему слѣдующее письмо: «Любезный другъ, прошу васъ уплатить мнѣ тѣ 20 тысячъ франковъ, которыя вы мнѣ должны, я сильно нуждаюсь въ деньгахъ».

— Онъ мнѣ долженъ не 20, а 10 тысячъ фр., поправилъ барона печальный заимодавецъ.

— Именно это онъ вамъ отвѣтитъ и тогда у васъ будетъ отъ него письменное признаніе въ долгѣ, отвѣчалъ Ротшильдъ.

— **Кладъ.** Въ газету «Харьковъ» сообщаютъ изъ Изюма: «Въ 6 верстахъ отъ станціи «Барвенкова», въ имѣніи помѣщика М., найдены въ землѣ двѣ каменныя доски, на которыхъ было написано: «мы, нижеподписавшіеся казаки, недалеко отъ этихъ досокъ, положили кладъ, заключающійся въ 200,000 серебряной монеты и 20,000 червонцовъ. Нашедшаго его просимъ отслужить по насъ панихиду». Потомъ указывается, гдѣ именно лежитъ кладъ, но трудно разобрать, такъ какъ написано черточками и точками, а буквы только начальныя. Внизу подписи 40 человѣкъ. Написано на малороссійскомъ нарѣчіи старинными, но красивыми буквами. Доски вложены въ чугунный ящикъ, залитый глиною. При дальнѣйшей раскопкѣ найдены кости. Поводомъ къ этой раскопкѣ послужило, говорятъ, устное преданіе, которое гласитъ, что здѣсь нѣкогда жили запорожцы и въ этомъ мѣстѣ было главное ихъ казначейство, и что непремѣнно долженъ быть кладъ. Достовѣрность сообщаемаго можетъ подтвердить офиціальное лицо, какъ очевидецъ находки».

— **Искуственное дерево.** Въ Соед. Шт. въ Илинойсѣ, изготовляется искуственное дерево изъ соломы, отличающееся особенною крѣпостью и плотностью. По своему внутреннему строенію, это искуственное дерево совсѣмъ походитъ на красное и орѣховое и, подобно послѣднимъ, отлично поддается полировкѣ. При распиливаніи его никакъ не отличишь отъ обыкновеннаго дерева. Первоначально солома обработывается тонкими слоями, потомъ соединяются вмѣстѣ столько слоевъ, сколько необходимо для достиженія требуемой крѣпости, наконецъ солома смачивается въ особомъ химическомъ составѣ и подвергается сильному пресованію. Химическій составъ дѣлаетъ сначала солому мягкою, а затѣмъ, благодаря его вліянію, соломенное дерево дѣлается непромокаемымъ и почти огнеупорнымъ.

— **Летаргическій сонъ.** Лондонскій кореспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ о замѣчательномъ и рѣдкомъ феноменѣ, передъ которымъ, по его словамъ, становятся втупикъ всѣ знаменитости здѣшняго медицинскаго міра. Въ лондонскомъ госпиталѣ лежитъ въ летаргическомъ состояніи молоденькая дѣвушка. Въ теченіи уже трехъ недѣль она остается совершенно безъ движенія, безъ пищи и питья. Ея глаза закрыты, но когда рука доктора приподнимаетъ ея рѣсницы, зрителя поражаютъ необыкновенно ясный, совершенно осмысленный взглядъ спящей. Повиди-

мому, она все видитъ и понимаетъ и тѣмъ не менѣе остается безъ малѣйшихъ другихъ признаковъ жизни, кромѣ усиленнаго біенія пульса. Доктора, оказывается, вовсе не въ состояніи разгадать это необычайно странное явленіе природы и предоставляютъ все времени. Сдѣланы были попытки оживить спящую гальванизмомъ, электричествомъ, огнемъ, но всѣ эти попытки не привели ни къ чему. Дѣвушка эта пролежала около недѣли въ госпиталѣ, прежде, чѣмъ она впала въ свое настоящее состояніе. Переходъ совершился внезапно. Сидѣлка среди ночи была разбужена жалобными криками о помощи. Больная билась въ постели и говорила, что она умираетъ. Наконецъ, прежде, чѣмъ успѣлъ явиться докторъ, больная испустила ужасный крикъ и упала съ распростертыми руками на спину. Съ тѣхъ поръ она остается въ этомъ состояніи. За три недѣли доктора не могли подмѣтить ни малѣйшей перемѣны.

— **Убійство за дурное леченіе.** На судѣ присяжныхъ, въ Сполетѣ только-что разбиралось слѣдующее сенсаціоннаго характера уголовное дѣло. Богатый житель этого города, Карло Маркучи, обвинялся въ убійствѣ доктора Винцензо Доминициса. Маркучи пригласилъ названнаго доктора къ своему заболѣвшему сыну, обѣщая 2,000 ливровъ, если сынъ поправится; если-же нѣтъ, то пригрозилъ, что убьетъ доктора. Больной умеръ; другой докторъ, приглашенный отцемъ на консультацію, заявилъ, что смерть произошла вслѣдствіе дурного лѣченія. Тогда Маркучи немедленно-же привелъ свою угрозу въ исполненіе и выстрѣломъ изъ револьвера убилъ Доминициса. Судъ приговорилъ убійцу къ пяти-лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ вдовѣ доктора Доминициса 25,000 франковъ.

— **О тенденціи движенія вправо или влѣво.** Подъ этимъ заглавіемъ во «Врачебныхъ Вѣд.» напечатана слѣдующая замѣтка: «Привычная тенденція индивидовъ двигаться вправо или влѣво можетъ быть наблюдаема при нахожденіи ихъ въ большой комнатѣ, при посѣщеніи выставокъ, при прогулкѣ, при вхожденіи въ дверь и т. п. По сообщенію Делонэ, сдѣланному имъ въ засѣданіи Société de Biologie, эта тенденція различна у различныхъ расъ, половъ, возрастовъ. Низшія расы, обыкновенно пишущія справа на лѣво, имѣютъ тенденцію двигаться скорѣе влѣво, чѣмъ вправо; болѣе цивилизованныя расы, напротивъ, привычно движутся вправо. Посѣщая различныя выставки, люди этихъ расъ всегда начинаютъ осмотръ на правой сторонѣ, хотя бы входъ въ зданіе былъ на лѣвой. При катаніи на конькахъ, при ходьбѣ, они всегда придерживаются правой руки. Въ Парижской Bibliothèque Nationale всегда находится большее количество посѣтителей на правой, чѣмъ на лѣвой сторонѣ центральнаго зданія. На тротуарахъ и улицахъ Парижа, при встрѣчѣ прохожихъ, каждый держитъ свою правую сторону. Женщины имѣютъ меньшую тенденцію двигаться вправо, чѣмъ мужчины. Тоже можно сказать о дѣтяхъ. Когда дѣти начинаютъ учиться ходить, они двигаются влѣво; съ 3—4 года жизни начинаютъ двигаться болѣе вправо. Старики обнаруживаютъ стремленіе къ лѣвой сторонѣ. Идіоты и слабоумные двигаются безразлично вправо или влѣво, но неизлѣчимые маніаки и паралитики держатъ при ходьбѣ свою лѣвую руку. Авторъ объясняетъ эти явленія большимъ развитіемъ лѣваго полушарія у болѣе цивилизованныхъ расъ, большимъ развитіемъ праваго у менѣе культивированныхъ субъектовъ».

— **Снабженіе Парижа жизненными припасами** заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ практическое разрѣшеніе вопроса о ежедневномъ прокормленіи двухъ-милліоннаго городскаго населенія здоровыми и свѣжими продуктами служитъ новымъ доказательствомъ могущества человѣческаго генія. Въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстей Ла-Вилетъ сосредоточивается вся торговля рогатымъ и мелкимъ скотомъ, пригоняемымъ на рынокъ 2 раза въ недѣлю въ количествѣ 5—6000 быковъ и 15—16000 овецъ и свиней всевозможныхъ европейскихъ породъ. Вторымъ торговымъ центромъ служатъ т. н. «Центральные павильоны», составляющіе городокъ изъ 12 совершенно одинаковыхъ громадныхъ зданій изящной архитектуры, построенныхъ исключительно изъ камня и желѣза. Эти павильоны служатъ центромъ для торговли дичью, птицей, рыбой, овощами и плодами, масломъ и сыромъ и они настолько просторны, что внутри ихъ незамѣтно никакого стѣсненія отъ значительнаго числа продавцевъ, товаровъ и покупателей. Простѣнки между широкими просвѣтами, по окружности каждаго павильона, или кирпичныя или изъ металической рѣшетки, защищаемой жалюзи отъ солнечныхъ лучей; жалюзи сдѣланы изъ матоваго стекла, что придаетъ цѣлому фасаду своеобразную красоту и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ потребностямъ въ освѣщеніи и вентиляціи внутренняго помѣщенія. Чтобы подвозомъ продуктовъ немѣшать уличному движенію, устроена подземная желѣзная дорога, соединяющая центральные павильоны съ восточною желѣзною дорогою, которая, въ свою очередь, соединена со всѣми другими путями посредствомъ окружной желѣзной дороги. Возы, нагруженные продуктами сельскаго хозяйства, начинаютъ появляться у павильоновъ еще ночью; здѣсь они разгружаются и привезенные продукты съ самаго ранняго утра продаются съ аукціоннаго торга состоящими при павильонахъ комисіонерами. За рѣшетчатымъ простѣнкомъ, въ одномъ изъ отдѣленій, на возвышеніи, похожемъ на кафедру, находятся оптовый торговецъ или его агентъ, а рядомъ съ нимъ, акцизный чиновникъ. Они оба записываютъ фамилію покупателя. Между аукціонистомъ и покупателями, состоящими изъ мелочныхъ торговцевъ, хозяевъ ресторановъ и пр., стоятъ корзины, ящики, бочки съ рыбой, птицей, дичью, раками, улитками, зеленью и фруктами, которые безпрерывно выставляются рабочими, взамѣнъ уже проданныхъ и унесенныхъ помощниками аукціониста. Проданные продукты немедленно оплачиваются въ конторѣ, гдѣ покупатель получаетъ въ удостовѣреніе квитанцію и нумеръ для предъявленія ихъ въ другомъ мѣстѣ, внѣ павильона, гдѣ ему вручается покупка. Продавецъ, смотря по своему желанію, можетъ сейчасъ получить въ конторѣ деньги, вырученные за продукты, за вычетомъ издержекъ по перевозкѣ и маленькой доли за комиссію. Въ случаѣ отсутствія продавца, эти деньги посылаются ему по почтѣ. Въ этихъ павильонахъ ежедневно продается продуктовъ на сотни тысячъ франковъ; садовникъ, огородникъ, или сельскій хозяинъ сдаетъ свой товаръ на станцію желѣзной дороги подъ адресомъ «Въ Центральный павильонъ» и увѣренъ, что получитъ на второй или третій день слѣдуемыя ему деньги за посланный товаръ. Крестьянинъ, посылая заколотаго теленка или нѣсколько десятковъ пулярокъ или же дюжину-другую корзинъ съ фруктами, по указанному адресу, можетъ спокойно оставаться дома. И, конечно, при этой системѣ онъ выгоднѣе продастъ свой товаръ, чѣмъ если бы самъ старался сбыть его въ малознакомомъ городѣ.

— **Любопытный искъ.** Вскорѣ въ римскомъ судѣ будетъ разбираться интересное дѣло. У одного любителя картинъ въ Римѣ были двѣ замѣчательныя картины Рубенса, изображавшія женскія фигуры, нѣсколько обнаженныя. Заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ священника, съ тѣмъ, чтобы исповѣдываться и причаститься. Священникъ, окончивъ исповѣдь, отказался па отрѣзъ дать больному отпущеніе грѣховъ, если обѣ картины не будутъ сожжены. Дѣлать нечего, кающійся приказалъ сжечь картины; тогда священникъ далъ ему отпущеніе грѣховъ и больной вскорѣ умеръ. Сынъ покойнаго, возмущенный вандализмомъ священника, привлекаетъ его къ суду за то, что онъ употребилъ во зло умственное разстройство умирающаго, и требуетъ съ него вознагражденія за картины, такъ какъ чрезъ уничтоженіе ихъ наслѣдство уменьшилось больше чѣмъ на 300 тыс. франковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ Контору Редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» нерѣдко поступаютъ заявленія отъ гг. подписчиковъ о неполученіи ими или «Премій» или «Гигіены» или какого-нибудь отдѣльнаго нумера. Такъ какъ по справкамъ въ книгахъ Редакціи въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что всѣмъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ поступали заявленія, своевременно были отправлены всѣ преміи, приложенія и нумера журнала, то Редакція передавала эти заявленія въ Почтамтъ. По существующимъ правиламъ, Почтамтъ дѣлаетъ справку въ томъ почтовомъ учрежденіи, изъ котораго долженъ былъ получить и не получилъ преміи или нумеровъ журнала подписчикъ, заявляющій жалобу. На такую переписку требуется не мало времени. Подписчикъ, не получая удовлетворенія, присылаетъ новое заявленіе, которое снова препровождается въ Почтамтъ и т. д. Между тѣмъ эту длинную процедуру можно значительно сократить, если подписчикъ, неполучившій нумера журнала, тотчасъ же попроситъ мѣстную почтовую контору выдать ему свидѣтельство, что такого-то номера или такой-то преміи на имя подписчика въ почтовой конторѣ получено не было. Получивъ такое заявленіе Редакція будетъ знать, что или ея контора почему-либо не выслала этого номера или онъ засланъ куда-нибудь въ другое мѣсто, или наконецъ, затерялся на дорогѣ. Тогда Редакція почтетъ своей обязанностью немедленно удовлетворить подписчика, что она дѣлаетъ и теперь, если мѣстная почтовая контора заявитъ, что требуемаго номера въ ней получено не было.

Болѣе всего заявленій о неполученіи премій или номеровъ журнала присылается изъ такихъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій и журналъ адресуется на станцію желѣзной дороги. Въ такія мѣстности Редакціи случалось отправлять номеръ по два и по три раза и все-таки снова получалось заявленіе, что номеръ не полученъ. Есть-ли какое-нибудь основаніе въ данномъ случаѣ обвинять Редакцію въ неакуратности?

Нѣсколько разъ уже было заявлено въ нашемъ журналѣ, что первые листы «Гигіены», разосланные прошлогоднимъ подписчикамъ, продаются за экземпляръ по 45 коп., а съ пересылкой 60 коп. На этой недѣлѣ Редакція получила два письма съ просьбой объявить въ журналѣ о стоимости этихъ листовъ. Удовлетворяя выраженному въ письмахъ желанію снова объявляемъ, что цѣна этимъ листамъ 45 коп., а съ пересылкой 60 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 32-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 11-го августа въ 6 часовъ 30 мин., на иногороднюю почту 12-го августа въ 12 часовъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложенія: «Руководство къ Гигіенѣ» и «Парижскія Моды», Августъ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 17 Августа 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)